

ОКСАНА АЛЕКСЕЕВА

Я И
МОИ
ВООБРАЖАЕМЫЙ
НЕДРУГ

Annotation

Сказ о том, как мы с настырным полтергейстом в одной квартире уживались. И, конечно, о неприятностях, которые мы сами себе и создавали.

==> Глава 1. Телефон

Все началось с телефона. Точнее, с моей ошибки, когда я зачем-то взяла этот чертов телефон. Иногда кажется, что фатум предопределяет судьбу — если не каждый ее момент, то хотя бы ключевые события в жизни. Словно как бы ты ни сопротивлялся обстоятельствам, они всегда подведут тебя к какому-то решению, которого невозможно избежать. Но в данном случае я понимала отчетливо: все началось именно с моей ошибки. И если бы я ее не совершила, то ничего дальнейшего уже бы не произошло. Возможно, что в некоторых — ключевых событиях жизни — фатум дает нам право выбора: нырять в кроличью нору или остаться на поверхности. И самое сложное в этом понимании — тот факт, что если бы события повторились, я, скорее всего, уже осознанно приняла бы точно такое же решение. Несмотря на все ужасы, которые за этим последовали... Потому что жизнь бессмысленна, если на всем ее протяжении так и не решиться нырнуть в кроличью нору.

Все прочие события в моей жизни можно списать на стечение обстоятельств. Я поступила в железнодорожный институт, потому как поддалась уговорам родителей: без работы не останешься, а если потом устроишься в муниципальное управление — так вообще, можно сказать, что карьера удалась. Бухгалтеров, экономистов там всяких, дипломированных юристов и прочей шушеры из наших вузов выпускается, как кур нерезанных — оттого-то они и работают впоследствии не по специальности, в большинстве своем. Хочешь иметь в жизни прочное место, как любил говаривать отец, так научись тому, что не умеют другие, причем ДЕЛУ, а не пустому языковиланию. Его аргументы я сочла значимыми, потому-то и поступила учиться на инженера.

Довольно быстро убедилась, что сделала верный выбор. По меньшей мере, годы учебы не покажутся адом. Среди нас ходили легенды, что во всяких там «экономико-юридических», где основной контингент был представлен женским полом, на перерывах обсуждаются последние номера Космо, а в свободное время группы совместно посещают если не маникюрные салоны, то, на крайний случай, Мак Дак. Уверена, легенды сильно приукрашивали действительность, но наше сообщество даже от мыслей таких было далеко. Да и, признаться честно, мне с самого детства было комфортнее в обществе мальчишек — а тут раздолье! Мы с Таней исчерпывающе представляли всю женскую "половину" нашей группы, состоящей из тридцати студентов. К счастью, ни одна из нас не была склонна обсуждать последний номер Космо, но даже если бы такое и случилось, то при постоянном общении с парнями, эта привычка сама собой бы отмерла за ненужностью. Любое общество неизбежно втягивает каждого в свои правила. Я до сих пор помнила, как в школе сплетничала с подружками, перемывая косточки практически каждому общему знакомому: хоть это не слишком вписывалось в мой характер, просто получалось само собой, поскольку все вокруг так делали. Исключительно женские компании я не выносила, но никогда в них надолго и не оказывалась. В смешанных группах заметила тенденцию: там и парни со временем становятся болтливей, начинают больше переживать о внешности и даже на равных обсуждают какой-нибудь модный аромат. Наверное, женская энергетика сильнее мужской, что сказывается на общей атмосфере, прививая больше «женских» правил, чем «мужских». Но уютнее всего я себя чувствовала только в мужском коллективе. С парнями все куда проще: они редко интригуют и сплетничают, скорее в морду дадут; с некоторыми

можно обсудить фильм, но без ванильных радуг; с некоторыми — обменяться матами в порыве спора. Никто из них не заметит новые джинсы, если только не обратит внимания на твою филейную часть в этих самых джинсах. Да, надо быть готовой и послать, если вдруг чей-то гормональный интерес слишком сильно зафиксируется на твоих новых джинсах... как и к тому, что тебя пошлют, если вдруг начнешь перегибать и злоупотреблять своим «дамским положением». И все это проще, потому что понятно. Возможно, именно эта атмосфера и уничтожала постепенно в нас с Танюхой остатки женственности, которыми мы и без того не слишком блистали.

Причина, по которой мать так яростно поддержала мнение отца об институте, стала ясна чуть позже — когда она с рвением натасканного добермана начала расспрашивать о каждом студенте в нашей группе и на потоке. Очевидно, родительница уже отчаялась, что ее ненаманикюренная доченька найдет себе романтического хахалю с ромашковым венником, поэтому была согласна поместить меня в изолированные от красивых конкуренток условия. Тут, вроде как, сам бог велел. Я ее мнение о собственной персоне не разделяла: парня у меня до сих пор не было только лишь по той причине, что я не встретила того, кого буду безусловно уважать. У меня нет исключительно женской черты — фривольности, поэтому я не собиралась перебиваться полумерами. Найду того самого — именно за него выйду замуж, чтобы рожать ему детей, чтобы никогда не задумываться об измене. А если не найду — не страшно: вполне можно обзавестись детьми и без мужа или посвятить себя какой-то другой миссии. Все лучше, чем до старости мириться с тем, кто этого не достоин. Себя я считала достаточно привлекательной — за мной изредка увивалось какое-то жалкое полу-мудачье. Нет, я никогда в центре внимания не находилась, но, скорее, по той причине, что парни воспринимали меня как пацанку «из наших», а не потому, что считали уродиной. Фигуру свою я предпочитала видеть «спортивной», а не как выражалась мама: «Машенька, ты бы хоть обруч крутила, чтоб талию наметить». Каблуки-шпильки и блестящие локоны же я относил к непременным атрибутам только для тех, кому больше впечатлить нечем.

Справедливости ради, выбор среди моих сокурсников был — да еще какой! И в самом начале мы с Танюхой подвергались почти постоянным романтическим нападкам — она, деревенская и простая девчонка с цветущим видом, чуть чаще, чем я. Но со временем все это внимание сошло на нет. Думаю, именно с этого момента мы и стали «своими пацанами», что, на мой вкус, куда круче, чем «неплохие сиськи, Тань!». И мы с ней тоже со временем перестали их оценивать с точки зрения рынка женихов.

Конечно, кто-то выделялся — так всегда бывает. Всегда находятся люди, свечение которых невозможно игнорировать. Самым ярким из наших одноклассников — да и на потоке вообще — был Сергей Севостьянов. Вот просто существуют такие персонажи, появление которых в помещении сразу замечаешь, если они улыбаются — все невольно начинают тоже улыбаться, а если смеются, то это, как минимум, не останется незамеченным. Шумный, дикий, впечатляюще красивый — такой и в «экономико-юридическом» стал бы более обсуждаемым объектом, чем последний номер Космо. Таких обожают друзья, они всегда в центре любой компании, их ненавидят преподаватели — потому что легкость их характера неизбежно отражается на учебе. Неглупые балбесы, которые подбивают «хвосты», только когда уже находятся на грани отчисления, которые любое свое выступление на семинаре превращают в шоу. Конечно, в первое время Сережа приклеил к себе и мой взгляд, но, к счастью, ненадолго. В таких влюбляются только романтические дуры, отказывающиеся видеть, что под блестящим фантиком нет ни грамма

серьезности. Уверена, что по нему ночами лили слезы в подушку все представительницы факультета «Бухгалтерского учета и аудита на железнодорожном транспорте» — только потому, что плохо его знали. Мы с Танюхой слез не лили — Севостьянов прекрасен издавека, но любить такого повесу — только себя наказывать. Ко всем своим недостаткам, Сережа был еще и бабником. Хотя с другой стороны, грех такой внешностью не пользоваться. Он и пользовался, а мы с улыбкой наблюдали за этим со стороны.

Зато «выпасы», как у нас было принято называть совместные гулянья всей группой, получались презабавными. Например, когда мы поехали на шашлыки за город, где совершенно бухой Севостьянов организовал массовый стриптиз. Точнее, он начал, а трое других придурков подхватили. Артем, лучший его друг, почти с боем не дал ему танцевально снять трусы и кое-как стянул Сережу со стола. Или тогда, когда нас какими-то перипетиями судьбы занесло в кинотеатр. «Пятьдесят оттенков серого» — как сейчас помню, ибо до сих пор слезы наворачиваются от смеха. Может, и хороший фильм, но вся режиссерская, операторская и актерская работы, если такие вообще подразумевались, свелись на нет, когда «Серый», про пятьдесят оттенков которого и была вся история, начал озвучивать происходящее на экране — сначала тихо, а потом чуть ли не на весь зал. Наши парни, естественно, идею тут же подхватили, и когда главная героиня, после того, как получила шлепок по попе, очень смешно и стройным хором заверещала: «Айяйяйяйяйяй!», то дальше уже подключился почти весь зал, включая и недовольных — их возмущенные выкрики только добавляли зрелищности. Нас выгнали — всю группу! Даже меня и Танюху, хоть мы только хохотали! Да там весь зал ржал — почему же всех не попросили уйти? Но я не сильно обижалась, решив, что если человека ни разу в жизни не выгоняли из кинотеатра, то это довольно скучная жизнь.

Все «выпасы» нашей группы превращались в феерию не без участия Сергея Севостьянова и других почти настолько же дурных одноклассников. И хоть никто обычно не предполагал, чем конкретно грозит очередная вечеринка, такого финала в тот день, конечно, никто просчитать не мог. Это был последний «выпас» в том виде, к которому мы привыкли.

Мы отмечали закрытие летней сессии второго курса — на этот раз сдали все, и даже у самого Сереги осталось только два хвоста на сентябрь. Я тогда еще глупо подумала, что когда его все-таки отчислят, я, наверное, буду немного скучать по таким сумасшедшим сабантуям. Собрались в съемной квартире Митюхина, практически моментально нажрались. Часа через два я решила скрыться в одной из комнат — веселиться уже не было сил, а я перепила так, что мутило. Возможно, успею отлежаться до того, как соседи вызовут полицию. Наберусь, так сказать, сил, чтобы плестись домой на другой конец города.

Меня разбудило ощущение совсем не невинного прикосновения к моему девственно-нетрезвому телу. Невинным оно не было хотя бы потому, что точка приложения оказалась прямо между моих ног. Ага, в том самом месте чья-то рука пыталась что-то промять сквозь плотные джинсы. Мне удалось развернуться, пока в междуножьи у меня не вылепили член или чего-то там вылепливали, но обнимать меня не перестали.

— Сереж, охренел? — я даже не особо удивилась, опознав лицо нападавшего.

— Маш.. Я такой бухой, — сказал, будто сему факту требовались еще и словесные подтверждения. — А бухому мне требуется баба. Маш, будь моей бабой!

Прозвучало почти торжественно! Я, например, очень впечатлилась — за мной еще ни разу так утонченно не ухаживали. До слез пробрало, похлеще букетиков с конфетками. Протянула руку к его ширинке, погладила мягко, получила судорожный выдох, насладилась

его звучанием, а потом со всей силы сжала пальцы.

— А-а-а-а! — Сережа попытался оторвать мою руку, но я вцепилась еще сильнее. И тогда он повторил более высоким голосом, почти оперным сопрано: — А-а-а-а!

Пора и высказаться — некрасиво же оставлять вопросы без ответов:

— Я согласна, милый!

Ему наконец-то удалось отобрать у меня хозяйство, которое он теперь зажимал двумя руками, как настоящую драгоценность.

— Не, че-т я передумал. Пойду еще жажну. Прости, милая, у меня голова разболелась!

И как только смог шевелить нижними конечностями, нервными прыжками счастливого кролика умчался к остальным.

Я перевернулась на спину и вздохнула. Вот же припадочный, разбудил. Уснуть снова, пережив все эти вертолеты, — та еще забава. На новый раунд попойки, как и на пеший поход до собственной квартиры, я сил набраться не успела.

Решила, лучше пока просто проветриться — авось, после этого какими-то суперспособностями и озарит. Прошла мимо шумной толпы за столом. Осторожно, чтобы не завалиться в темноте на лестнице, миновала подъезд — и снова вздохнула. Там, на свежем воздухе летней ночи, тоже торчала часть наших: курящие одиозные одногруппники обычно не нагтели и не заставляли других вдыхать мерзкий дым, выходя на улицу. Я подошла к ним ближе, а они просто продолжали свой разговор, который начался до моего прихода.

— А ты, Маш, тоже тут останешься или домой свалишь? — поинтересовался Артем.

— Домой, — я очень не любила оставаться на такие ночевки. Конечно, никто из парней вреда бы мне не причинил — дело не в этом. Просто я обожала высыпаться в собственной кровати собственного жилья, которое так долго выпрашивала у родителей. Тут же скооперировалась и с парой потенциальных попутчиков, живущих в том же районе — вот и отлично, парни проводят.

Жаль, что Артем не из их числа... Я недавно поняла, что если бы Севостьянов не концентрировал на себе всеобщее внимание, если бы его вообще не было, то уже в самом начале я заметила бы, насколько Артем хорош. «Скажи мне, кто твой друг» — поговорка точно не про них. Артем не являлся полной противоположностью своего приятеля — они во многом были похожи, но отличался от него именно в тех моментах, в которых было нужно: он не был занудой — мог точно так же, как и все, повеселиться, но ни разу не пытался стянуть с себя трусы на столе для шашлыка, он выпивал, но не до такой степени, чтобы себя не контролировать, ему легко давалась учеба, но он не делал ставку на одно только везение. То есть он, как и его лучший друг, гнул палку, но ни разу на моих глазах ее не перегнул. И он бы считался самым симпатичным парнем, когда рядом не находился ослепляющий Севостьянов. Единственным очевидным недостатком Артема и был его друг. Я склонялась к мысли, что если Артем решит проявить ко мне интерес, я и своему интересу к нему дам шанс.

Внимание нашей компании привлек шум наверху. Окно было давно распахнуто настежь, а я только удивлялась, почему никто до сих пор не пожаловался — нашу попойку тихой назвать было невозможно. Наверное, Митюхин и не преувеличил про «толерантность» соседей. Но теперь на подоконнике темнела шатающаяся фигура. Артем даже отшагнул дальше, чтобы разглядеть, да и мы все притихли, пытаюсь понять, что происходит.

Какие-то крики, смех болтающегося на окне Севостьянова, а потом...

В следующую пару секунд все протрезвели. Вот такие целые две секунды, делающие из

тебя другого человека, который уже совсем не тот, что был час, неделю или год назад. Две секунды, когда на твоих глазах кто-то срывается и летит вниз. Две секунды странных звуков извне и полной тишины внутри.

Крики раздались уже после того, как эти бесконечные две секунды закончились. Артем тяжело задышал и согнулся уже после. После пробежали мимо люди. Визг, рев, отшатавающиеся фигуры — все было после. А мой разум так и не желал включаться, вырваться из этой тихой бесконечности. Возможно, чтобы не принимать произошедшее, сознание выхватило что-то другое, менее значимое, и зацепилось за него. Я медленно опустила голову, чтобы посмотреть, что стукнуло меня в ботинок. Заторможено подняла телефон: задняя панель отлетела, вдоль экрана трещина. Он ударился сначала о землю, а потом отлетел к моей ноге. Я смотрела на разбитый телефон Сергея Севостьянова, чтобы не смотреть в ту сторону, где он умер.

Естественно, все дальнейшие события протекали без какого-либо анализа. Я даже не помню, как сунула телефон в карман ветровки и уж тем более — зачем это сделала. Просто было не до того. Окончательное осознание до меня дошло только на похоронах. Будто я долго спала и проснулась внезапно — когда все по очереди кидали по горсти земли на гроб. Много, много людей с серыми лицами наклонялись, деревянными руками зачерпывали землю и скидывали в яму. И когда мой комок глухо стукнулся о дерево — я проснулась. Даже голова закружилась от неожиданной ясности. Он не был моим близким другом, не был кем-то важным для меня, но такая нелепая смерть для настолько яркого человека — это было что-то за гранью понимания вселенского равновесия. И я зарыдала. Впервые с тех страшных двух секунд я зарыдала.

За месяцы летних каникул, конечно, все переживания стерлись и подзабылись. В сентябре мы не спешили возобновлять групповые «выпасы» — и не потому, что среди нас не осталось весельчаков, просто слишком мало времени прошло. Эта тоска когда-нибудь окончательно пройдет — особенно у тех, кто не был с ним слишком близок. Но даже когда мы будем обмывать дипломы на пятом курсе, все равно непременно вспомним о нем. Потому что он был. Потому что Сережа Севостьянов когда-то был. Но такой тоски уже не будет, и к тому времени мы забудем, что он доставлял и неприятности, в памяти останутся только его легкость и источаемый кураж. Время лечит — и это было заметно уже сейчас.

Я забрала от родителей осенние вещи, снова поругалась с младшим братом и направилась в свою квартиру. Родственники мои не были особо состоятельными людьми, но после долгих уговоров согласились снять мне совсем маленькую квартирку — поближе к институту, подальше от брата, который мне сворачивал кровь не только своим присутствием. Он колупал меня по каждому поводу, не давая сосредоточиться на занятиях, поэтому я была счастлива, когда стала жить отдельно от родичей. Конечно, частенько заглядывала и на семейные ужины — особенно, когда самой готовить не хотелось, но и имела возможность наслаждаться личным пространством.

Вывалила вещи из сумки на диван. Сначала чай, а уж потом монотонное раскладывание по шкафам. Шапка мне еще долго не понадобится — наверх ее. Поближе стоит разместить только пару кофт и ветровку — утром уже довольно прохладно. Я вспомнила об уже почти стертом из памяти событии, только когда ветровка тяжело стукнула меня карманом по руке.

Его телефон. Я действительно о нем совершенно забыла. Возможно, если кто-то бы спрашивал о его мобильнике, то я бы вспомнила, но всем было не до того. Да и потом мысли к тому страшному моменту не возвращались — наверное, берегли меня. В итоге теперь я в

руке держала сломанный телефон своего погибшего три месяца назад одноклассника.

Что полагается делать в таких случаях? Отдать родным? Вот, мол, держите, прикарманила, а теперь совесть заела. Глупо звучит. Возможно, аппарат можно починить — с виду только задней панели не хватает, но все равно слишком нелепо. Может, отдать Артему — тоже глупо, но хоть не так стыдно. Ага, и снова увидеть в его глазах ту темноту, от которой он только-только начал избавляться? Я решила, что никто из близких Сережи не нуждается в лишнем напоминании, и даже дорогая модель сотового не оправдывает очередной укол болью. Может, я и ошибалась, но проверять желания в себе пока не обнаружила. Так и не придя к какому-то однозначному решению, просто отложила телефон на полку и занялась другими делами.

Через несколько дней, когда я за столом готовилась к семинару, снова уловила странный звук. Прислушалась, но как и в предыдущих случаях, источник не определила. Но в этот раз то ли я была слишком уставшей, что меня от занятий отвлекало уже все подряд, то ли шумело громче, но я решила отдохнуть от учебника и в процессе поискать, откуда раздается этот тихий скрежет. Прислушалась ко всем батареям — вода шумит иначе, да и звук я до сих пор улавливала только в моей комнате. И еще до того, как посмотреть на полку, поняла. Нет, не оформленной мыслью, а рывками нарастающим ужасом. Осознанно остановила себя от паники — это в моем характере. О, я никогда не была кисейной барышней — да я вперед всех мальчишек залезала на забор, я быстрее всех гоняла на велике, я не терялась в любых ситуациях... Поэтому после недолгой заминки заставила себя протянуть руку и взять телефон, о котором снова позабыла — словно он усердно пытался выскользнуть из моего внимания.

Уже по вибрации поняла, что не ошиблась. Ужас теперь осел комком в горле, но я посмотрела на выключенный дисплей, а затем поднесла сотовый к уху. Наверное, до последнего надеялась, что шум раздается не оттуда. И убедившись, выронила аппарат из руки, которая затряслась так сильно, что от нее начало содрогаться все тело. Даже вспомнила где-то услышанное словосочетание, которое моему спокойствию уж точно не помогло.

Белый шум.

В этих двух словах было что-то жуткое, хотя я и не могла вспомнить точное значение этого термина. Какой-то математически равномерно распределенный звук, в котором можно услышать... Мне показалось, что я услышала... Что-то похожее на «ш-ш-ш». В почти бесколебательном скрежете я, вполне возможно, расслышала «ш-ш-ш». Наверное, если бы я могла быть с собой в тот момент достаточно откровенной, то я уловила бы «аш-ш-ш-ш-ш» или даже «маш-ш-ш-ш». Но это было бы слишком. А тогда я просто старалась дышать. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Всему есть объяснение. Всегда. Вдох. Выдох.

Я схватила телефон и просто вышвырнула его в распахнутую форточку, даже услышала, как он ударился об асфальт — на этот раз, скорее всего, разбившись окончательно. Снова вдох. Всему есть объяснение. Просто я испугалась, и поэтому мне сложно это объяснение понять.

После двух чашек чая на кухне страх сам собой отступал — медленно, но с очевидной капитуляцией. Скорее всего, сотовый не был окончательно сломан. Вполне возможно, когда я его достала из ветровки и положила на полку — случайно поставила аккумулятор на место. Какие-то соединения сошлись, и он включился. Дисплей признаков жизни не подавал, но это же не значит, что в самом девайсе не могли функционировать еще какие-то процессы.

Просто обесточенные до сих пор контакты сцепились и запустили, например, какое-то приложение. До чего же просто! Я облегченно рассмеялась и налила себе третью чашку. Хорошо хоть, в лоб случайному прохожему не попала, истеричка!

Теперь уже почти спокойно осмотрелась вокруг, упрекая себя в трусости и разрешая себе немножко над этим похохотать.

И подавилась собственным смехом, когда на моих глазах дверца навесного шкафа отворилась, издав при этом мучительный скрип. Я вскочила на ноги, опрокинув кружку. С усилием оторвала взгляд от дверцы и теперь смотрела на то, как чай разливается по столешнице, приближается к краю и начинает пробивать себе путь вниз, на пол. Кап. Кап. Взять тряпку и вытереть. Всему есть объяснение! Всегда! Я решительно захлопнула зачем-то открывшийся шкаф, взяла тряпку и шагнула к столу. И теперь уже закричала. Видя, как равномерно медленно выдвигается ящик, я просто закричала. Вылетая из кухни, краем глаза заметила, что дверца навесного шкафа снова открывается.

В комнате прижалась спиной к двери, будто боялась, что следом за мной кто-то бежит и зажала рот двумя руками. Всему есть объяснение, если только начать думать и перестать кричать! Успокоиться и подумать! Сквозняк. Старые шарниры. Как давно меняли фурнитуру на кухонной мебели хозяева квартиры? Любое объяснение подходит! Любое! На кухне форточка открыта, так что сквозняк — вполне себе...

На моем рабочем столе лежал сотовый телефон.

Опомнилась, только когда начала задыхаться от рвущихся наружу легких. Редкие прохожие озирались, наверное, соображая, от кого я с таким усердием убегаю. Остановившись, попыталась восстановить дыхание.

Я могла придумать какое угодно объяснение открывающимся дверцам и даже медленно выдвигающимся ящикам — любое, но только не такое, которое заодно бы и пролило свет на вопрос, каким образом выкинутый в окно телефон снова оказался на моем столе. К этому моменту и спустя пару километров я готова была признаться себе, что произошло нечто необъяснимое. Надо просто продолжить жить, а там как-нибудь само собой все устаканится. Верно! Сейчас нужно сосредоточиться на собственных действиях — раз я физически не могу вернуться в ту квартиру, значит, иду ночевать к родителям. Ничего, что заявлюсь поздно, ничего, что одета в домашнее — скажу, что случайно захлопнула дверь, когда выносила мусор. У родителей как раз есть дубликат ключей. Дверь я, скорее всего, не захлопнула — и это ничего. Если туда заберутся воры, то их же беда. Ни ноутбук, да никакая личная вещь меня не заставила бы сейчас вернуться, чтобы проверить.

Конечно, пока я медленно плелась по темным улицам, голову посетила идея честно обо всем рассказать родителям — хотя бы маме. Но мысль отчего-то не прижилась. Кто в здравом уме поверит в такую историю? Да еще и оставался насущный вопрос: а я сама насколько в здравом уме? На моих глазах погиб человек — разве такое проходит для кого-то бесследно? Все могло быть галлюцинацией пострадавшей от шока психики. К такому выводу и придет каждый здравомыслящий слушатель. Я бы именно к нему и пришла. А раз так, то меня попросту сочтут сумасшедшей, что, вполне возможно, и соответствует истине. В воспаленном воображении мелькнули обшарпанные серые стены и окна с решетками — психушка, как я себе ее представляла. Психушка для меня виделась местом страшнее тюрьмы. Поэтому, когда удалось немного успокоиться, я твердо решила, что пока сохраню свое заболевание в тайне — возможно, само рассосется. Или под каким-нибудь выдуманном предлогом выпрошу у родителей денег и запишусь к психологу. Последняя мысль показалась настолько разумной, что я даже немного воспрянула духом. Конечно, специалист мне поможет разобраться! И пока я не опасна для людей, то он вряд ли меня сразу же сдаст санитарам. А пока переночую у родителей, окончательно успокоюсь — и там уже решу, возвращаться ли мне в квартиру или соврать, что какие-нибудь пьяные соседи на меня напали или другую чепуху, объяснившую бы мой страх и желание снова жить в родном доме.

Дверь открыл Пашка, заставив отчетливо припомнить причину, по которой я так стремилась отсюда уехать.

— Ма-а-ам! Машка пришла. Вроде бы снова бухая... — равнодушно крикнул в сторону братац и пошлепал в свою комнату.

— Гандон, — тихо отозвалась я ему в спину.

Он постоянно сочинял про меня небылицы, даже предлагал родителям сделать мне тест на наркотики, рвал мои конспекты, оттапывал только что начищенную обувь. Они все это воспринимали, как проделки подростковых гормонов, но я понимала, что все гораздо хуже: мы все были подростками, но мало кто из нас был таким мудаком. Это сорт людей особенный — мерзейшее отродье. Им хорошо только если плохо другим. Я даже не помню,

любила ли его в детстве — кажется, Пашка с тех пор, как говорить начал, все время изливал только говно. Пыталась ненавязчиво воспитывать: не лупить со всей дури, а так, хотя бы подзатыльник дать, когда уж совсем наглеет — я ведь и осталавась виноватой! Удел старших детей — всегда терпеть необоснованное понимание со стороны родителей к младшим. Терпеть, терпеть, терпеть — будто своих проблем мало. Сейчас этот идиотина учился в девятом классе, так что вынужденного общения с ним у меня впереди еще года да лета.

— Машуль, ты чего так поздно?

Мама вытерла руки о фартук, чуть прищурилась, оценив мой растрепанный внешний вид, но комментировать не стала. Я выдала историю о захлопнувшейся двери, за что была утешена, заботливо обругана, накормлена, напоена, опрошена об учебе и уложена спать. Благо, мою комнату еще не успели переоборудовать под какие-нибудь тупые Пашкины нужды.

Как ни странно, но мне удалось отвлечься и уснуть. Утром мама разбудила, так как я по глупости ляпнула, что мне к первой паре. Даже отец спозаранку подскочил, чтоб подвезти меня. Теперь не отмажешься — надо или признаваться, или ехать с ним в квартиру — ведь учебники и одежда для института там. Я, наверное, очень хорошо выпалась, раз решилась на второй вариант.

К сожалению, папа даже не предложил составить мне компанию в переодевании и собирании учебников. Просто шлепнул чмоком в щечку на прощание и укатил по своим делам. Дверь все же оказалось запертой — то ли я вчера, выбегая, захлопнула, то ли очаровательный выдвигатель ящичков позаботился об этом сам. При дневном свете было не так страшно — я очень быстро схватила сумку, отметив, что телефон так и лежит на краю стола, еще быстрее переделась и вылетела в подъезд, только там начав дышать. Лучше посижу лишних сорок минут в институте: мне не мешает дополнительное время, чтобы настроиться.

Настраивалась я на протяжении всего учебного дня, впервые в жизни пожалев, что сегодня у нас не восемь или хотя бы не шесть пар. Но все же какая-то внутренняя сила во мне за это время встрепенуться успела. Я даже возгордилась собой, когда почти уверенно открыла дверь и зашла в квартиру. Просто орден заслужила «За храбрость»! И именно самоуважение от того, что я все-таки не оказалась конченной трусихой, мне еще больше прибавляло смелости. Включила свет везде — это ничего. Ничего даже, что еще день. Не все же сразу. Вытерла со стола и пола вчерашний чай. Сцепила кулаки и зашла в комнату, подошла к столу. Я смелая! Я не какая-нибудь там... леди или фифа, падающая в обморок! Я — Мария Потапова, девчонка, которая с детства не давала спуска ни одному пацану во дворе! И если я просто спятила, то признаю это со всей присущей мне смелостью, а не стану прятаться от себя самой. Телефон не вибрировал и не издавал ни малейшего звука, отчего я почувствовала некоторое облегчение, когда положила его обратно на стол. Снова выкинуть его в окно я не решилась — во-первых, там еще полно народу, и кто-нибудь может начать скандально возмущаться, а во-вторых, я не была уверена, что он не вернется обратно — а это уже слишком пугающе.

Сварганила себе легкий ужин и уселась перед телевизором. Честно высмотрела целую комедию — правда, не смеялась, но зато и перестала постоянно озираться по сторонам. Возвела собственный боевой настрой в режим «максимум» и решилась: сегодня я с этим и разберусь. Если галлюцинаций больше не будет — отлично. Если они повторятся, то не стану убегать. Напевая под нос неуместную «На границе тучи ходят хмуро» я снова прошлась

по всему помещению, чтобы на этот раз свет выключить. За окном стемнело — самое время для галлюцинаций. Для паранормальщины — тем более. И к столу во второй раз подошла уже куда уверенней. Мне даже не стоило брать телефон в руки, чтобы убедиться, что он не шумит. Но я это сделала — в очередной раз самой себе доказать, что могу.

— Ладно, — громко, уверенно и отчетливо произнесла я, обращаясь к сотовому. — Говори, что ты там хотел мне сказать? Давай еще раз поиграем в твои игры разума!

Телефон, к вящему облегчению, не ответил. Я даже усмехнулась.

— Ну же, давай покончим с этим здесь и сейчас! Я больше не убегу! — мне нужно было это произнести самой себе — поставить точку для собственного мозга, если он решится на очередные свистопляски.

— Правда?

Раздалось тихо, едва слышно, со спины. Я вскрикнула и подскочила на месте, оборачиваясь. В комнате была не крошечная тьма, и сквозь открытый проем я видела часть зала. Никого. Естественно, первым порывом было тут же сорваться с места, но я нашла в себе силы остановиться. Если снова сбегу, то это будет просто очередной бессмысленный круг — я не на это настраивалась. Только вот голос мой заметно поутих и дрожал:

— Д-да.

И он ответил почти сразу же — голосом, который я, конечно, не могла не узнать.

— Ты только не бойся, Маш. Я не причину вреда, — темнота ответила теперь чуть громче.

Если это и подстава моего сознания, то оно явно мне хочет этим что-то сказать. Значит, нужно продолжать. Тем более, что пережив запредельный шок, волнение почему-то начало спадать — психика высвобождалась от излишка переживаний, абстрагировалась, успокаивалась.

— Сережа... ты?

— Ты видишь меня?! — на этот раз совсем рядом, но я почти даже не вздрогнула. И снова, уже почти в полный голос: — Ну славтехоспади! Это ж кабздец какой-то — быть невидимкой! Юху-у! Как я выгляжу?

Захотелось истерично хихикнуть, но голосовые связки пока к этому не были готовы.

— Я... не вижу тебя. Слышу.

— У-у-у-у, — протянул он. — Ну че за хрень, а, Потапова?! Я три дня учился хлопать дверцей, думал, что стану прям полноценным... Это ж скукота, когда тебя вообще никто всерьез не воспринимает!

— Ты... призрак?

— Так вроде того... Хотя нет! Я — полтергейст, раз дверцей хлопать научился! Шикарно, да?

И он рассмеялся. Я теперь отчетливо понимала, откуда точно раздается его голос, даже нашла в себе силы ступить ближе и сосредоточиться. И теперь мне казалось, что воздух в том месте чуть плотнее... или чуть светлее. Я не выдержала и шагнула к выключателю, зажигая свет. Тут же осмотрелась. Все произошедшее снова стало казаться нереальным.

— Ты еще тут?

— Тут-тут... — ответил, и я снова повернулась к тому месту, где он должен был находиться, но ничего не увидела. — Ты чего, Маш? До сих пор боишься? — это прозвучало несколько обиженно.

И вдруг я перестала чувствовать этот ужас — вот так просто, словно оторвала от себя

пульсирующий страх и отбросила подальше. Мне стало даже немного стыдно, поэтому и сказала:

— Нет! Но я хочу разобраться, так что... дай мне время.

— В чем разобраться? — судя по удалению звука, он направился в зал, а я последовала за ним, удивившись, что колени уже почти не дрожат. — Сама ж все равно не разберешься. Давай меня спрашивай! А то я намолчался на всю оставшуюся смерть.

Я села на диван и попыталась расслабиться:

— Где ты был все это время? Ну... после...

— После того, как вывалился из окна? — голос его был бодрым — совсем неподобающе для трупа. — Сначала вообще в каком-то тумане блуждал. Я сразу понял, что умер, вот и искал, согласно сериальной традиции, какой-нибудь свет в тоннеле или дверь там... Нет ничего! Точнее, я не нашел. И нескоро в этом тумане я наткнулся на собственный телефон, потом выяснил, что могу на него влиять как-то...

Теперь его голос звучал так отчетливо, что если бы я закрыла глаза, то вполне могла представить, что говорю с человеком. И, кажется, в воздухе я теперь видела почти прозрачную белую тень — но настолько прозрачную, что уверенности в этом не было. Возможно, я просто захотела ее увидеть. Вздрогнула — нет, точно! Белое пятно!

— Сереж, я... кажется, вижу тебя...

— Вау! — пятно подскочило, а потом снова застыло в воздухе. — У меня такая теория возникла: мои силы прибавляются потому, что ты веришь! Понимаешь? Когда ты впервые услышала мой телефон, твой мозг уже приготовился верить, потому-то я и смог потом научиться хлопать дверцей! А вчера ты окончательно поверила, поэтому наконец-то услышала и мой голос... а теперь...

Я, не сводя глаз с белого пятна, которое будто вытягивалось по вертикали, покачала головой:

— Я не верю.

— В смысле? — пятно явно озадачилось.

— Я не верю, что ты призрак. Я верю, что сошла с ума.

Теперь в белой тени можно было четко увидеть, где ноги, а где голова, которая теперь склонилась.

— Ну ёхарный бабай... Маш, чего мне только стоило притащить назад свой телефон! А ты вот так, да? Такой банальной херней все себе и объяснишь? И как же мне тебя убедить? А мне очень важно убедить... потому что я не хочу обратно в туман.

Возможно, я даже могла разглядеть, как тень недовольно сводит брови. Но это уж точно игры воображения!

— Я не знаю как. А ты... ты собираешься теперь быть тут?

Белесая голова вскинулась:

— Прости, но за это время я многое успел обдумать. Я не встретил никого из своих сотоварищей по кончине, а значит, что, скорее всего, они куда-то уходят. Но я остался — не знаю зачем и почему. И я буду тут, пока не отвечу на этот вопрос. Или всегда. Но я больше не могу быть совсем один.

Я молчала, не зная, что ответить. Какие слова подобрать в утешение парню, который уже три месяца лежит под землей? Он продолжил сам:

— Возможно, с тобой я научусь быть более отчетливым? И тогда другие люди... Артем... Артем уж точно от меня не отвернется!

Артем для начала обосрется — может, и в переносном смысле — как я вчера, а потом примет — как я сегодня. При условии, что призраки все-таки существуют!

— А может, я этот... гребаный медиум? — предположила я. — И никто больше не сможет тебя увидеть?

Он ответил задумчиво — профиль теперь был очерчен так ясно, хоть рисуй. Возможно, что он и прав: чем больше я верю, тем больше в нем силы.

— Может, и гребаный медиум... Но хлопал я не тобой, а дверцей от шкафа... В любом случае мы сможем это проверить только потом.

Я смирилась со всем, что в мою голову просто не помещалась. Смирилась и кивнула.

— Но почему ты... не можешь уйти? Какие-то незаконченные дела? — меня озарила догадка, что я аж вскочила на ноги. — Тебя убили?!

— Не-е-ет! — он отмахнулся теперь уже почти настоящей рукой. — Я жил, как идиот, и умер, как идиот.

Наверное, я пришла в полный порядок, раз смогла неловко улыбнуться.

— Арендную плату делим пополам? — ого, у меня даже получилось произнести это с издевкой!

— Ага, размечталась, — он ответил тем же тоном. — В общем, пока сожителствуем, а как только что-то изменится — я свалю и сможешь вздохнуть спокойно!

Теперь мне его повелительный тон уже не нравился:

— А если откажусь? Как-то мне не улыбается идея жить с тобой... мы ведь даже друзьями не были!

— Потапова, — белый силуэт — уже не тень — приблизился. — А как ты меня выгонишь, а? Я ж тебя задолбаю хлопающими дверцами!

— Вот же... — я опешила от наглости, но попыталась вернуться в дипломатическое русло. — Тогда обговорим правила! Например, не пугай меня! И, естественно, никаких подглядываний... когда переодеваюсь или в ванной...

Он вполне себе натурально фыркнул:

— Я тут не первый день чалюсь, родная! И уже такого насмотрелся, что мне захотелось повторно выброситься из окна!

— Чего?! — я вытаращила глаза, представляя, как сижу на унитазе, а он... стоит рядом и лыбится.

— Ладно, Маш, ты нервная какая-то... Я пойду, соседей обойду. Кажется, радиус увеличился...

— Какой еще радиус?! — спросила это уже у стены, в которой он и растворился.

Если я сошла с ума, то это какое-то совсем невеселое сумасшествие! А если все произошедшее было на самом деле — так вообще грусть-тоска. Кажется, я не боюсь призраков. Кажется, я боюсь только психушки.

==> Глава 3. Этому городу нужен герой

Я проснулась, услышав тихий скрежет — знакомый звук, который издавал телефончик покойничка. Значит, феерия продолжается и сегодня... Я не спешила открывать глаза, потому что знала наверняка, что мои надежды, что вчерашнее окажется только сном, уже не оправдались. Не стала вздрагивать и вскрикивать, чтобы лишний раз подселенца не веселить. Но он, очевидно, понял, что я уже не сплю, запричитав противным монотонным голосом:

— Машулька проснулась. Вот проснулась же. Глазоньки открываем. Открываем, я сказал.

Я не выдержала и открыла рот, вместо глаз:

— Мне интересно, ты всегда был таким эгоцентричным мудаком?

— Я умер, дорогуша! — возмутился голос. — Вот как меняет человека такой, казалось бы, пустяк!

— То есть всегда, — сделала я очевидный вывод и решила встретиться с реальностью воочию.

И на этот раз вздрогнула. Сергей, развалившийся в моих ногах, но при этом совсем неощущаемый, был практически настоящим Сергеем: трехмерное цветное изображение, лишь слегка просвечивающее! Я от неожиданности села и попыталась его тронуть — рука легко прошла сквозь эту голограмму.

— Ну ни фига ж себе... — восхитилась я. — Ты прямо уже совсем реальный! На тебе та же одежда, в которой ты был...

Он осмотрел себя и просто пожал плечами:

— Знаю. Хорошо хоть, не голый!

Я продолжала водить рукой внутри его тела, разглядывая собственные мутные пальцы, будто погруженные в окрашенную жидкость.

— Хорошо хоть, что не лепешкой — как ты умер... Это выглядело бы неприятно.

— Ага. Говорил же — я тем реальнее, чем больше ты в меня веришь!

Я вынула из него руку и снова откинулась на подушку.

— Давай рассуждать логически, — обратилась, скорее, к самой себе. — Ты нематериален. Но я слышу твой голос, а звук создается вибрацией материи, следовательно, нематериальный объект не может создавать звук. У тебя ведь даже голосовых связок нет!

— У типя даже глясявих связак неть! — передразнил он, а потом заговорил нормальным голосом: — Ты че, Потапова, такая непроходимая, а? Может, это материя — просто какая-нибудь другая? Неизвестная современной науке! Или мой голос создается твоим сознанием как проекция нематериального посыла?

— Это просто офонареть, какое логическое объяснение... — вынуждена была я смириться, поскольку никаких других идей, кроме собственного сумасшествия, не обнаружилось. — Ладно, рассказывай, проекция, где был, что делал.

Он заметно оживился:

— В общем, меня никто, кроме тебя, не видит и не слышит. Может, ты и правда, гребаный медиум, или их мозг не способен спроецировать непонятное. Я и орал, и скакал прямо перед носом, чего только не делал — вообще никакой реакции! Но предметы двигать

получается все лучше! С утраца табуретку у бабульки с пятого перевернул — она охнула, но меня так и не увидела.

— Противная бабулька, — решила вставить и я свое мнение.

— Не спорю. В общем, силушки богатырской во мне все больше, но для остальных людей я... И в зеркале не отражаюсь! Как самый крутецкий вампир, — он вздохнул.

И почему я не удивлена, что его расстраивает невозможность наслаждаться своей отраженной внешностью? Он и при жизни был довольно самовлюбленным, чего уж там.

— А что ты там про радиус какой-то вчера ляпнул?

Он почесал несуществующей рукой несуществующий лоб, а потом пригладил несуществующие темные волосы. Это, наверное, просто привычка — прическа всегда должна быть идеальной.

— Говорил же тебе — везде туман. Я и на телефон свой набрел совершенно случайно... А все остальное — люди, здания, деревья — будто... их нет, только слабые очертания. Даже звуков нет. И тут я натыкаюсь на вещь, которая почти четко вырисовывалась, конечно, узнал. Ну, а потом ты... И вокруг тебя пространство прозрачное! И чем больше ты убеждалась в моем существовании, тем больше становилось этого пространства. Сейчас туман начинается уже метров за сто от тебя — я дальше не выходил, побоялся, что не найду дорогу обратно. Ты, Потапова, центр моей вселенной!

— Ну, раз я центр, то мог бы заботливо дать мне выспаться... — расспрашивать дальше я смысла не видела — очевидно же, что он и сам пока мало что понимает. А когда поймет — расскажет без расспросов. И черта с два я ему рот заткну.

— Мне ску-у-учно, — протянул мой личный полтергейст. — Соседей шугать надоело. А если ты куда пойдешь, то и я смогу пойти! Вчера в институте вообще прикольно было потусить. Хотя я был удивлен, что вся группа не рыдает беспрестанно по причине моей трагической кончины! Как вы там со скуки не передохли без меня?

Я обреченно вздохнула.

— Сегодня выходной. Поэтому я собираюсь спать до обеда. А ты походи телек посмотри, посуду поучись мыть или еще каким полезным делом займись.

Он поднялся и теперь торчал прямо передо мной — интересно, почему он не проваливается в пол? Просто проецируется в привычной пространственной точке, или все же материальные преграды им как-то ощущаются? Но я оставила эти насущные вопросы на потом и снова закрыла глаза.

— Неплохая квартирка, хоть и маленькая, — еще бы он просто так ушел выполнять мои распоряжения! — И платите совсем копейки, у нас в городе таких цен за аренду вообще нет. Но это не удивительно...

Что-то в этой фразе заставило меня снова на него посмотреть:

— В смысле?

Он задумчиво оценивал вид из окна.

— Ну, ты же в курсе. Люди не очень любят, когда до их приезда в квартире кто-то помер, да еще так...

— Кто помер? — я и правда до сих пор не понимала. Я вообще не знала, кто в этой квартире жил до меня.

Сережа наконец-то посмотрел на меня:

— Ты что, не знала? Тут же бабка померла. Долго мучилась, а потом ее кошки есть начали, от голодухи небось. Так на этой же самой кровати... Прикинь, какое зрелище было,

когда хату наконец-то догадались вскрыть?

Меня подбросило на метр вверх и отшвырнуло на другой конец комнаты. Я, стуча зубами, с ужасом смотрела на еще смятую подушку, где когда-то лежал труп, который кошки...

— А-а-а-а-а, — единственное, что удалось мне выдавить.

— Ты че, мертвых боишься, что ли? — он хохотнул и хлопнул меня по плечу, но прикосновения я не ощутила.

Я начала заикаться, чего со мной в жизни раньше не приключалось:

— Т-ты в-видишь ее? Она т-т-т-тут? — и почти представила сморщенное обглоданное тело на том месте, где больше никогда в жизни не лягу спать.

Сергей спокойно прошествовал мимо меня, направляясь в сторону кухни. Оттуда и крикнул:

— Нет, конечно. Я ж говорил — никого не вижу из своих. Я пошутил, дуреха впечатлительная.

Я осознала. Три раза выдохнула, пять раз вдохнула, прежде чем заверещать со всем отчаяньем:

— Козлина шелудивая!!! Мразина отмороженная!!! Я чуть тут сама коньки не отбросила!

— Зато поднялась. И сонливость прошла. А Сережа — молодец!

Когда я смогла нормально дышать и почти нормально ходить, направилась за ним на кухню, по пути решив, что этому идиоту мои истерики — как с гуся вода. Нервно налила чай и с грохотом поставила кружку на стол.

— И куда же ты хочешь отправиться на прогулку, душа моя? — получилось почти елеяно.

Он, очевидно, ответ уже давно придумал:

— Давай сначала на кладбище. Хочу посмотреть, как меня обустроили. И фотку на памятнике какую присобачили.

Получилось зло ухмыльнуться:

— А потом куда, дорогой? Или мы на кладбище весь день торчать будем — на фотку твою любоваться?

— Я б с Артемом встретился... — ему мой тон, видимо, не казался раздраженным. — Пригласила б его в кафе или еще куда... Может, он тоже сможет меня увидеть? И к матери моей бы заглянула...

— Да что мы говорим! Ты ее так сильно ненавидишь? А если она увидит тебя? Уверен, что ее удар не хватит?

— Не уверен, — он даже вздохнул. — Ты права, может, потом как-нибудь. Тогда что, на кладбище?

Он бы еще в ладошки похлопал от предвкушения выходного развлечения, как малое дитя, которого везут на аттракционы. Я не ответила. Допила чай, молча направилась к ноутбуку, порыскала по сайтам, взяла свой телефон. На надоедливо мельтешащего призрака рядом просто не реагировала.

— Здравствуйте! Я бы хотела записаться к психологу. Сегодня!

— Девушка, — оператор была очень вежлива и терпелива. — К сожалению, свободное время будет только на следующей неделе... в пятницу. Стоимость сеанса — тысяча рублей. В нашем центре...

Я перебила ее отвратительно вкрадчивый тон откровенным враньем:

— Я хочу покончить жизнь самоубийством! Сегодня! Купила веревку и мыло, ищу стремянку.

У нее даже голос не изменился, но через пятнадцать минут диалога с ней, а потом и с самим психологом, мне удалось «освободить» место для сегодняшнего сеанса. Стоимость, правда, выросла в два раза. У меня были эти деньги, а потом придется ехать к родителям, чтобы выпросить еще.

В троллейбусе Сергей ехал на соседнем месте, обиженно поджав губы. Но хоть трюндеть перестал.

У меня отобрали кровно выпрошенные у мамы две тысячи, вежливо протолкнули в затемненный кабинет и усадили в кресло. Психологом оказался приятный на вид мужчина лет сорока. Ему даже спрашивать меня ни о чем не пришлось — я сразу же честно выложила ему историю о том, как на моих глазах погиб парень, как я взяла его телефон, а теперь не могу выгнать его самого из собственной квартиры. К окончанию этого недолгого триллера психолог изменился в лице, заметно сосредоточился и сел ближе. Он начал спрашивать только тогда, когда я сама замолчала.

— Маша, я очень надеюсь, что вы меня не разыгрываете...

Я уверенно покачала головой, наблюдая за тем, как Сережа вытанцовывает на огромном письменном столе, напевая: «Чунга-чанга — синий небосвод! Чунга-чанга — лето круглый год!» и довольно качественно вращая бедрами.

— Маша, — психолог был задумчив. — Если все так, как вы говорите, то я сначала обязан задать вам некоторые вопросы... и, возможно, они могут обидеть вас, но, пожалуйста, будьте со мной честны.

— Чунга-чанга — весело живе-е-ем! — Сережа размахнулся ногой и пнул лежавшую на краю книгу. Та слетела вниз и плюхнулась на пол, раскрывшись.

Психолог не закончил фразу про наркотики и обернулся на звук. Спокойно встал, поднял книгу и положил на место. А мне все стало понятно — книга упала не сама по себе, как решил доктор, ее скинул призрак. А это значит, что, как минимум, этот конкретный призрак точно существует! Его не видят, не слышат, но упавшая книга — это очевидный факт, и психолог своими действиями это признал.

— Простите, я вас разыграла, — совсем глупо сказала я, поднялась с почти лежачего положения и направилась к выходу.

В итоге, весь мой сеанс психотерапии длился тринадцать минут. И естественно, некоторые промолчать на этот счет не могли:

— Две штуки! Целых две штуки настоящих человеческих рублей, чтобы полежать в кожаном креслице! Как отдохнула, королева? За две-то штуки. Это ж какой веночек можно было на мою могилку забабахать!

Я была чертовски зла: на него, на себя, на расценки в психологических центрах — да этот еще оказался самым дешевым среди объявлений! Едва войдя в квартиру, схватила телефон Севостьянова, отправилась на помойку и зашвырнула его в дальний бак. А по пришествии обнаружила всю ту же рожу, лыбящуюся с моего дивана. Игнорируя вертящийся в его руке телефон, пошла в свою комнату — буду заниматься! В понедельник тест по

сопромату — единственному предмету, который мне дается очень непросто. Если буду готовиться до самого понедельника, то непременно в этот раз сдам хорошо. Или хотя бы сдам.

Полтергейст мой признаков жизнедеятельности не подавал. Через пару часов я решила перекусить, но его в квартире не обнаружила. А сопромат к вечеру у меня уже в печенках сидел, поэтому вознамерилась отдохнуть и посмотреть телевизор.

Он появился из стены — непривычно задумчивый, озирающийся назад.

— Маш, — начал так, будто мы попрощались близкими друзьями. — Слушай, бабулька с пятого с постели не встает. Дышит как-то тяжело, стонет...

— Похоже, падающие табуретки ее доконали, — высказала я свою версию. — Или что еще ты там ей устраивал?

Сережа невесомо плюхнулся рядом — он теперь уже выглядел настолько плотным, что его физическое присутствие невозможно было игнорировать.

— Сходи, посмотри, а, — он глянул на меня и даже изобразил умоляющую мину. — Если помрет, то из-за меня, что ли? У нее таблетки на кухне, а она не вставала... даже чтоб воды попить.

— Иди ты к хренам! — высказала я свою точку зрения. — Сам довел — сам и спасай. Да и эта бабулька еще нас с тобой... в смысле, меня переживет — такая зловредная.

Я замолчала, продолжая пялиться в телек, но через несколько секунд подорвалась на месте. А если в самом деле помрет? Ведь я же знала, что ей плохо, но ничего с этим не сделала!

Громко постучала, но мне и через пару минут никто не открыл — видимо, дело дрянь. Сережа вышел прямо из ее двери, и вид у него был такой, словно и в нем есть совесть.

— Скорую вызывай. Она дышит, но как-то неправильно дышит.

Я не стала переспрашивать, тут же набрала номер, описала вкратце симптомы. Оставалась одна сложная задача — врачам потребуется попасть внутрь, а взламывать замки я не умела. Сережа без слов понял.

— Я попытаюсь донести ключи и скинуть тебе с балкона... Но не знаю, смогу ли открыть балкон, а ключи вместе со мной сквозь стену... Черт!

Он совершенно натурально впадал в панику, ходя по площадке туда-сюда.

— Давай слесарей вызовем, — предложила я. — Объясним ситуацию, всю ответственность на себя возьму...

— Сбрендила? Они приедут часа через три! Они же должны с полицией или с МЧС связаться сначала. Чё-о-орт! У тебя есть какая-нибудь монтировка?

У меня не было, но я решила пробежаться по соседям. В квартире рядом жили какие-то алкаши — если в сознании, то наверняка помогут. Но Сережа остановил меня:

— Так, подожди. Я кое-что попробую. Две минуты!

И снова растворился в двери. Я нервно переминалась с ноги на ногу. Вдруг замок щелкнул, и дверь распахнулась — передо мной стояла та самая бабулька, только глаза у нее были закрыты. Будто просто тело, управляемое веревочками, которое развернулось и неловко перемежая конечностями направилось обратно к кровати. Едва оно улеглось, из него вынырнул Сережа.

— Уф, надеюсь, это приключение до двери и обратно ее не убьет окончательно...

— Как ты... — я до сих пор не могла отойти от увиденного.

— Экспериментировал с теми пьянчугами из соседней, — он постоянно прислушивался

к рваному дыханию старушки. — Немного получалось управлять, когда они в отключке. Но в тебя пытался — ни фиги! Наверное, твердое сознание не дает...

— Чего?! — в очередной раз возмутилась я.

— Не ори! — он даже рукой мне предостерегающе махнул. — Тут больной человек, никакого сочувствия!

Скорая приехала довольно быстро. Пациентку без лишних разговоров санитары переместили на носилки и унесли. Суровая врач взяла-таки мой телефон и, несмотря на всю свою занятость, через пару часов перезвонила — сказала, что бабушка моя жить будет и просила передать, чтоб я цветы поливала и квартиру заперла, пока она в больнице. Ну ничего себе! Мы даже имен друг друга до сего дня не знали, а тут такие требования — вместо благодарности! Не зря она мне всегда не нравилась — ворчуха подъездная.

Только после этих новостей я поняла, что все это время с меня не спадал мандраж, а теперь можно выдохнуть спокойно. Сережа вообще начал радостно подскакивать на месте.

— Я, кажется, понял, Потапова! Я тут, потому что ничего в жизни хорошего не сделал! И значит, мне остается заняться этим после смерти! Помогать людям, спасать жизни, наказывать преступников с пафосным: «Ты подвел этот город»!

Настроение было приподнятым, поэтому я рассмеялась.

— Ты в курсе, что сам ее чуть не убил? Старая женщина плюс проблемы с сердцем плюс летающие предметы, никаких подозрений не навевают?

— Да ладно тебе, зануда! — он примирительно хлопнул меня по руке, и на этот раз мне показалось, что я что-то почувствовала. — Чуть не убил — а это еще доказать надо, зато потом спас с твоей помощью! Разве ты не счастлива сейчас? Разве не гордишься собой?

Пришлось кивнуть: я и правда ощущала, что сегодняшней день прожила не зря.

— Потапова! — его голос стал торжественным. — Чуешь?! В воздухе пахнет подвигами! Этому городу нужен герой!

— Ну ты и придурок! — расхохоталась я. — Иди, отстреливай бандитов без меня! А у меня завтра тест по сопромату.

Бэтменом я становиться отказалась, зато сопромат прошел без сучка и задоринки. Точнее, я сделала все, что могла, и отодвинула листок, надеясь, что на тройку наскребла. Задачи — я почти уверена — решила верно, но с тестами у меня всегда был аллес. Наш мертвый одногруппничек ходил по рядам, заложив руки за спину, и с умным видом смотрел, чего там калякают его непутевые живые товарищи. Подошел и ко мне, склонился к листку, потом выпрямился и изобразил жест, будто поправил очки на носу.

— Это у тебя такой знак протеста всему сопротивлению материалов или только лично Николаю Ивановичу?

Я запаниковала и снова пододвинула листок. Если тесты полностью провалены, то задачи меня не спасут. Но я даже на их счет теперь засомневалась. Подняла взор, полный тоски, на лицо Сереги. Он не особо хорошо учился, но все же экзамены умудрялся сдавать — возможно, хоть какие-то ошибки поможет исправить?

Но он уже задумчиво смотрел куда-то в сторону, а потом быстро перетек к преподавательскому столу и снова ко мне.

— Там у Иваныча ключ расписан, — пояснил он свои действия. — Диктую, исправляй.

Я чуть не задохнулась от благодарности и исполнила распоряжение. Конечно, закончив, я допустила мысль, что в духе нашего Сереженьки и просто приколоться, но почему-то решила, что ему резона в этом нет. Ведь если я попаду на пересдачу или дополнительные консультации, то попадет и он. И уже к концу дня знала, что не ошиблась. У меня впервые в жизни по этому предмету стояло «отлично».

Счастливая, хоть и от нечестно полученного результата, подключила к телефону наушники. Так мои разговоры с пустым пространством никто не воспринимал как шизофрению.

— Спасибо, что помог. И что я тебе теперь за это должна?

Он шагал рядом по институтскому коридору.

— Обижаете! Разве сожители не должны помогать друг другу? Без-воз-мезд-но!

Я улыбнулась ему.

— Тогда угощу тебя ужином, — ну ладно, это все равно прозвучало издевательством. — Едем к моим родителям на обед, а то у меня деньги кончаются.

— Едем, — послушно согласился он. — Будто у меня есть выбор.

Мы уже были в холле, когда он остановился:

— Вон Артем, пойд и поговори с ним!

— Зачем? — я оглянулась на окно, на подоконнике действительно сидел Сережин друг. — Ты сегодня у него всю первую пару перед носом руками махал — не видит он тебя!

— Забыла уже, как я тебе помог? Неблагодарная ты су... рок.

Вот вам и все «безвозмездно». Но Артем сам поднял голову и заметил, что я стою и смотрю прямо на него. Пришлось изобразить непринужденность и подойти.

— Привет, Маш.

— Привет, Тём, — немного глупое начало, ведь с того времени, как мы виделись в последний раз на паре, не прошло и пятнадцати минут. А я не успела поинтересоваться у Сергея, о чем же конкретно мне нужно разговаривать, поэтому и спросила о банальном: —

А у тебя как результаты? Я на пятерку сдала.

— Видел в списках, молодец! — Артем улыбался. — У меня четверка.

— Тоже неплохо! — особенно если учесть, что его-то четверка — настоящая.

Что еще говорить? Сережа решил вмешаться:

— Спроси его о матери! Как она там?

Интересно, он воображает, что это будет вообще не в тему? Вздохнула.

— Тём, ты же с родителями Сережи общаешься?

Он пристальнее посмотрел на меня, а потом отвел взгляд:

— Ну, как общаюсь... У него мать только. Да, видимся иногда. Но это тяжело, сама понимаешь...

— Как она? — я решила, что уж раз начала, то хоть что-нибудь выяснить теперь надо.

— Плохо она, Мащ, — Артем явно не хотел об этом говорить, но и боялся показаться грубым. — Время идет, а ничего не меняется. Есть такие вещи... которые уже никогда не переживешь. Был бы у нее хоть кто-нибудь еще...

Сережа теперь не подсказывал — даже отвернулся, а я не знала, что на такое отвечать. Взяла и испортила человеку настроение — и ради чего? Ведь никто из нас все равно бедной женщине помочь не в состоянии. Но подумала, что нужно спросить еще:

— А сам ты как?

Он даже улыбнулся и снова взглянул на меня.

— Нормально.

— Извини, что завела этот разговор... Я пойду.

— Поздравляю с пятеркой! — услышала уже в спину, но мне не хватило наглости, чтобы снова к нему повернуться.

На улице снова вставила наушник, но возмущаться не захотела — сложно винить человека, пусть и бывшего, в том, что он интересуется родными. Посмотрела на него, но Сережа уже снова цвел:

— Дорогуша, а тебе нравится Артем? — он хитро прищурился.

— Откуда ты... эм-м... С чего ты взял?

Он рассмеялся, уверенно обозначив:

— Нравится!

Спорить не стала. Я не была влюблена в Артема, но он мне, безусловно, нравился.

— Мащ, так тут же я могу подсобить! — на это заявление я ответила только приподнятой бровью. — Никто его лучше меня не знает. Посоветую что-нибудь. Сомневаюсь, что сейчас ты ему интересна, но ведь можно и заинтересовать...

Я не сдержала сарказма:

— Это чем же? Расскажешь, какие позы в сексе он предпочитает? А мне придется делать вид, что я не удивлена, что ты в курсе этого вопроса?

— Нет! Но что-то подсказать могу. Например, он терпеть не может, когда его называют «Тёма» или «Тём» — никто из его родных или близких друзей так не делает.

— Так... — я опешила. — А почему же он не поправляет тогда? Его же почти вся группа...

— Задолбался поправлять, — Сережа просто пожал плечами.

Я задумалась. Артем, действительно, никогда не обратит на меня внимания, если это самое внимание не привлечь. И из всех знакомых мне парней он самый приятный человек...

— Допустим, — задумчиво протянула я. — И что же ты попросишь взамен, если я

приму твою помощь?

Он только фыркнул. Хорошо, что про «безвозмездно» трепаться не начал.

Во время обеда у родителей он поначалу скучал за столом, а потом куда-то растворился. С него станется и порыться в личных вещах. Но хоть табуретками не швыряется — и на том спасибо.

Я уже вышла в подъезд, собираясь домой, когда увидела его. Он шел следом за поднимающимся по лестнице Пашкой. Пришлось для начала обменяться с любимым братиком приветствиями.

— Привет, шлюха.

— Привет, гандон.

Сереза заговорил на улице, когда мы направлялись к троллейбусной остановке:

— У брата твоего проблемы какие-то.

— С чего ты взял? — мне было неинтересно обсуждать дела своего дальнего родственника, но разговор поддержала.

— Он целый час шкерился на скамейке за домом. С приятелем по телефону говорил. Не знаю точно...

— Да гонишь, — отмахнулась я, но спохватилась — надо быть менее эмоциональной, а то прохожие оборачиваются. — Он на курсах был.

Но остановилась и посмотрела на него внимательнее:

— Он не был на курсах?

Тот просто покачал головой, а потом решил пояснить:

— Я не особо вник в ситуацию, но что-то со школой и деньгами связано. И с мудаками. Поскольку сам недавно был малолетним пацаном, могу свести, что мудаки отбирают его деньги или что-то в этом духе.

— То есть родители ему дают деньги на курсы, а он их каким-то мудакам дарит? — возмутилась я.

— Ага, дарит. Благотворительность такая. Щедрость душевная. Если хочешь, могу узнать подробности — но для этого тебе надо потусить где-то рядом со школой.

— Пусть гандон сам свои проблемы разгребает, — решила я. — Да и вообще, если его бьют, то мог бы и родителям рассказать!

— Это вопрос на миллион долларов — почему подростки о таком не говорят родителям. Лучше у психолога поинтересуйся. Есть лишние две штуки?

На следующий день я кое-как высидела две пары, а с третьей сбежала. Может, Сереза и неправильно что-то понял, но мысль эта меня разъедала. Никто, кроме родной сестры, не имеет право мутузить Пашку! Ходит такой постоянно с равнодушным видом, бред всякий несет — бесит! Так что надо разобраться, чтоб со всей доказательной базой вклеить ему подзатыльник.

Я приехала к школе задолго до конца уроков. Сереза подтвердил, что брат сидит на занятиях и даже чего-то там отвечает. Скорее всего, мы оба напридумывали чуши, и останется врезать только за то, что брательник пропускает курсы.

Пашка вышел из здания и сразу направился за угол. Курит, гаденыш? Я кинулась вслед за ним.

— Машка? — он был удивлен или даже встревожен. — Ты зачем тут?

Было сложно объяснить кратко, но что-то в его виде меня насторожило — кажется, я впервые за последние несколько лет видела на его лице не снулое равнодушие. Он не

дождался моего ответа:

— Маш, пожалуйста, уйди сейчас. Пожалуйста!

Вот после этого я бы уже точно не ушла. Да и кажется, было поздно — за тот же угол завернули еще трое, по виду одиннадцатиклассники: один довольно щупленький, а вот двое его дружков — настоящие мутанты. Я — девушка спортивная и не из боязливых, но этих вырубить вряд ли смогу. Это такие у нас теперь школьники? Да у них вид, будто они из тренажерки только вышли! Будто они выходят из тренажерки только для того, чтобы набить кому-то морду.

Они еще не подошли к нам, как Пашка затрещал чуть ли не в самое ухо:

— Только не говори им, что моя сестра, а то меня завтра вообще зачморят. Молчи, ничего не делай! Я потом объясню...

— Привет, Потапыч! А ты и девушку свою пригласил? Давай бабло и гоните на свидание — живые и невредимые.

Пашка не ответил, но ситуация прояснялась с бешеной скоростью. Я остановила его руку, которую он уже запустил в карман. И как давно он отдает этим дебилам всю наличку, которую получает от родителей? Почему не спорит, не дерется? Шагнула вперед уверенно — щупленький был почти одного со мной роста. Тот, возможно, удивился, но виду не подал. Значит, надо удивлять:

— Привет, говнюк. А ты не охренел ли?

Говнюк охренел только после моих слов, но мутанты из-за его спины заготовали. Я знаю этот тип — они даже рады, что получится не тихо и мирно. Заводила это понимал лучше меня, хоть и опешил на мгновение от наезда, но уже тоже начинал ухмыляться.

Пашка рядом тихо застонал, но, надо отдать ему должное, не рванул убежать — возможно, посчитал, что не имеет права оставить меня тут одну, а может, точно знал, что завтра его поймают, и тогда он прохватит намного больше шиздюлей.

Я вывернула локоть, который попытался ухватить один из мутантов, и продолжала говорить только с «главным»:

— Может, вы просто свалите отсюда, шпана?

Тот что-то отвечал, но я не могла сосредоточиться на его словах из-за нарастающего волнения. Вляпалась — пора признать, но ведь и просто уйти, оставив тут брата, я тоже не могла! Глянула на Сережу, но его вид отчего-то смелости не придал. Он был сосредоточен:

— Или бегите оба, или хватай камень. Эти от базара не уйдут — не совсем простачки. Сзади камень валяется. Хватай и кидайся, как больная, ори. Привлечешь и чье-нибудь внима...

Щупленький кинулся на меня резко — наверное, огорчился, что я не слишком внимательно слушаю, схватил за волосы, но мне удалось врезать ему в челюсть снизу. Он отшатнулся, но мне пришлось повернуться к мутанту, кулак которого уже летел мне в живот. Я развернулась, но удар вскользь все-таки получила — больно, но в солнечное сплетение не попал. Краем глаза видела, что Пашка оттаскивает от меня щуплого. Сережа со стороны что-то крикнул, я не успела среагировать и вдруг получила оглушающий удар в затылок. Время остановилось.

В себя я пришла далеко не сразу. Голова пульсировала болью, мысли возвращались постепенно. Но при этом я была: сначала кулаком под дых, а потом снизу ногой — резко, прямо в лицо. Точнее, лицом об колени, помогая рукой. Еще один громила уже даже не пытался подняться, зажимая ладонью нос. На ногах остался только щупленький, школьная

форма которого на плече была порвана. Моя рука схватила его до того, как он успел развернуться.

— Стоять! Еще не поговорили! — тот послушно замер, даже не пытаясь скрыть, как его трясет. Один из мутантов все же побежал — ну и черт с ним. — Сивый в курсе, что вы тут творите?

— Кто? — промямлил пацан, который из-за бледности выглядел теперь года на два помладше.

— Ты знаешь, что делает Сивый с теми, кто без его разрешения зарабатывает в его районе? — это вроде был и мой голос, но такой интонации я сама лично изобразить бы не смогла — не кричу, а давлю каждым словом. — Кастрирует. Рассказать как?

— Н-не надо, — щуплый одними зрачками проводил улепетывающего на четвереньках второго мутанта.

Моя рука отпустила его воротник, и при этом я пришла в полное сознание.

— Пшел вон, — сказала уже я, и внимательный слушатель заметил бы разницу.

От школы мы плелись втроем. Голова гудела — скорее всего, сотрясение. Пашка молчал. Я тоже не знала, что говорить. Только возле подъезда махнула рукой — мол, к родителям не пойду в таком виде. Костяшки у меня были в кровь разбиты, а под коленями сильно тянуло — наверное, Сережа пытался поначалу бить мутантов ногой сразу в лицо, а только потом догадался, что придется их складывать пополам для удобства. Надо будет поработать над растяжкой. Брат остановился и снова повернулся ко мне:

— А кто такой Сивый?

Я посмотрела на ухмыляющегося призрака. Он соизволил пояснить:

— Да это ж просто гопота школьная... Всегда есть какой-нить Сивый, Сиплый, Косой, Немой, Бухой. Даже если и нет, то они сейчас его уже придумали.

Я дословно озвучила Пашке эту версию, после чего он скрылся в подъезде.

— Ну вот, — вздохнула я. — Ни тебе «спасибо», ни даже «это было круто, сестра».

Сережа задумался:

— Он благодарен, просто не умеет пока это сказать. И он до сих пор их боится.

— А ему стоит их бояться? — я зашагала по улице.

— Не думаю. Не знаю, насколько сильно они испугались, но его трогать стопудово не станут — тут уверен. Но можем потом проконтролировать, чтоб и других не трогали, — он подмигнул.

А я застонала от боли во всех мышцах. Я сегодня сильно сглупила, но мне повезло, что Сережа — призрак, который смог вселиться в мое тело. Повезло, что он и подраться не дурак. Даже если сотрясение — повезло. Потому что Пашку больше не тронут.

Я была благодарна Сереже за то, что именно сегодня он был. Возможно, у нас получится и подружиться?

— Так что там на счет Артема? Поможешь?

— Помогу! — отозвался он и сделал вид, что зевнул. — Только у него девушка есть.

— Скотина ты, Севостьянов, — очевидно, подружиться в этой жизни у нас не получится.

Не имею ни малейшего представления, как он меня уговорил, но, наверное, нашел какие-то аргументы. Хотя когда я стояла перед дверью, то ни одного из них припомнить не могла.

Мне открыла женщина — бледная, уставшая, изможденная до болезненности. Но даже грязные волосы и тусклый взгляд не могли скрыть красоты лица. Поразительное сходство.

— Да?

Сережа еще в подъезде меня настраивал, бесконечно повторяя: «Ты поостороже с ней! Она даже на откровенное хамство тебе слова не скажет — сильно воспитанная. Так что поостороже! А то знаю я ее — размажется, потом и тряпкой не соберешь!».

— Здравствуйте, — я решила хотя бы начать с уверенного голоса. — Я одноклассница Сережи. Можно войти?

И шагнула вперед, даже не дождавшись приглашения. Женщина помялась, отступая и неловко улыбаясь.

— Конечно-конечно. Ты ведь Маша?

Очевидно, что сынок ее нахальный унаследовал только внешность — характером его мама была совсем другой.

— Маша, — подтвердила я. — Ничего, что я так внезапно нагрянула, Зинаида Ивановна?

Она смутилась окончательно, что-то пробубнила, а только лишь потом обратила внимание на шебуршащую коробку. Я уверенно поставила свою ношу на пол, чтобы дать возможность любопытной морде наконец-то высунуться наружу. Зинаида Ивановна, кажется, потеряла дар речи.

— Это щенок, — обозначила я, будто и без того что-то было неясным. — Я вспомнила, как Сережа рассказывал, что вы давно хотели завести собаку, а он их не любил. И еще он говорил, что если бы у него была псина, то назвал бы ее Бульбазавром!

Она охнула и руку к груди прижала:

— Точно... Даже не знаю, откуда он такое слово откопал... — она собралась заметным усилием воли, наблюдая за тем, как щенок пытается выбраться наружу. — Да только ты все перепутала, Машенька. Это он всегда хотел собаку, а я была против... Шерсти много... и выгуливать...

Про себя я зарычала.

— Значит, я все перепутала! — сказала это воздуху за ее плечом. Воздух только язык мне показал. Ситуация из неловкой становилась катастрофической. И куда я теперь эту собаку потащу?! — Тогда извините, заберу.

Ладно, прозраченький, потом подеремся, а пока...

— Зинаида Ивановна, а напоите меня чаем! Надеюсь, я не слишком наглею?

Судя по ее взгляду — слишком, но зато Сережа опять повторил: «Так ее, так! И поостороже с ней!». Она засуетилась, заметалась:

— Ой, да, конечно, проходи, пожалуйста! Только прости — у меня не убрано, и посуда... Тут у нас воды не было... — она явно искала оправдание царившему вокруг хаосу.

— Все отлично! — бодро соврала я. Хотя я и не самая ярая блюстительница чистоты, но не смогла не отметить и валяющуюся повсюду одежду, и разложенный диван, на котором лежал раскрытый фотоальбом, и целую гору посуды. Но ее все это смущало сильнее моего — она попыталась быстро разгрести хотя бы кухонный стол.

— Садись, пожалуйста, — надо отдать ей должное, она всеми силами пыталась бороться с неловкостью. — Только вот к чаю у меня... — она быстро захлопнула хлебницу. — Хлеб что-то плесенью подался, хоть и купила вчера — сразу же было видно, что несвежий!

Ну да, вчера. Судя по ее виду, она из дома, минимум, неделю не выходила.

— Да не волнуйтесь вы, Зинаида Ивановна! Мне бы только чаю.

И даже на второй кружке разговор никак не клеился. Она расспросила меня об одноклассниках, еще о какой-то ерунде, но Сережа подначивал: «Дави сильнее», на что я и решилась:

— Вы в отпуске?

Она вела себя чуть более естественно к этому моменту:

— Да! Взяла без содержания... опять, — и снова начала оправдываться — будто только этим и привыкла заниматься. — Как-то сил у меня нет. К врачу думаю сходить... Постоянно нехорошо себя чувствую, наверное, витаминов не хватает... Понимаешь?

Я поймала ее взгляд:

— Понимаю.

Она приглушила свое бормотание и снова отвернулась. Не нужно произносить вслух, каких именно «витаминов» ей не хватает. Нет, она просто больше не видела смысла ни в чем. И вдруг я поняла, что Сережа был прав, когда настраивал меня на строгость. Все, кто переступал порог этого дома в последние месяцы, жалел ее. Все без исключения! И, как я видела теперь, это не помогает. Значит, надо бить тараном — лишь бы она перестала оправдываться за то, что не может справиться с болью. Ведь это и есть ее стратегия — пережить очередной визит очередного жалостливого лица, чтобы ее наконец-то оставили в покое!

Женщина снова попыталась сгладить неловкую паузу:

— Артем недавно заходил. Такой хороший парень! Про институт рассказывал...

Я без стеснения перебила:

— Вы рады, когда он приходит?

Она наконец-то посмотрела прямо на меня. И после долгого молчания произнесла уже немного другим голосом:

— Конечно. Но... он приходит, потому что чувствует себя обязанным... И нам сложно разговаривать.

— А чего бы вы сами хотели?

Она смотрела на меня, не отвечая.

— Зинаида Ивановна! — я даже тон голоса повысила. — Чего вы сами хотите?

Она заморгала часто, чтобы я не увидела в наворачнувшихся слезах очевидный ответ — «ничего». Она ни-че-го не хочет. А я — последняя мразь, которая бьет и без того слабого человека. Но мразь, понимающая, что пусть она меня посчитает быдлом, невоспитанной тварью, да кем угодно, лишь бы она думала сегодня вечером о моей невоспитанности, чем в

стотысячный раз листала альбом с детскими фотографиями. Поэтому я решила давить дальше — пусть даже и расплачется, но она удивила:

— Маша... Не знаю, поймешь ты или нет, — она снова отводила взгляд и пыталась улыбаться. — А может, и поймешь. Только не смейся, прошу!

— Не стану, — уверенно вставила я.

— Это так глупо прозвучит... Только не смейся! Я... в первое время все думала... мечта такая, понимаешь? Только не смейся — хоть это и смешно... Я прямо представляла себе ситуацию... прокручивала в голове. Ну... думаю, пришел бы ко мне кто-то... как будто стучат в дверь, я открываю — а там девушка стоит. Зареванная такая, потерянная... А я ее даже не знаю! Вот впервые вижу... Только ты не смейся! И будто она говорит, что залетела — прямо таким нелепым словом «залетела» и говорит... Смешно, да? — она потерла глаза ладонью, но все равно продолжала улыбаться. — Я прямо представляла, что она плачет, мол, не знает, что теперь делать... Может, они даже и не встречались с Сережей — просто так получилось... А ей стыдно и рассказывать мне о таком, и к кому обратиться... И ревет, как дура! А я... тоже реву, обнимаю ее, хоть даже имя не успела спросить... Ой, зачем я тебе такой бред рассказываю? Глупости какие... Смешно просто!

Мне смешно не было. Я встала резко, громко отодвинув стул. Она даже говорить перестала, вздрогнув.

— Зинаида Ивановна! Собирайтесь-ка.

— Куда?

Не знаю, перегнула ли я уже палку, но твердо вознамерилась гнуть дальше:

— Так у вас же хлеба нет! В магазин пойдем. И вашей собаке нужно корм купить. И ошейник. Кстати, это овчарка... вроде бы. Так что вымахать может огромной.

Сережа уверенно мне кивнул, но мне его поддержка в своих решениях уже не была нужна.

— Нет-нет, Маша! — запричитала женщина. — Мне не нужна собака! Да пойми же ты — у меня сил просто на нее нет...

— У вас теперь есть собака! Овчарка! Вроде бы. И я буду иногда заходить, помимо Артема, — сказала это так, чтоб у нее возражений не возникло.

Щенок к нашему возвращению из магазина напрудил приличную лужицу, но Зинаида Ивановна отказалась от моей помощи в уборке этой неловкости — наверное, ей не терпелось избавиться от моей хамской персоны.

Мы с Сережей смогли нормально поговорить только по пути домой.

— Ты и правда думаешь, что собака ей заменит тебя или хотя бы забеременевшую от тебя девицу?

Он сегодня был более задумчивым, чем обычно:

— Нет. Но собака может стать причиной, по которой она завтра поднимется с постели.

Может и так, но я все равно недоумевала, как отважилась пойти на такое — дурное влияние, не иначе.

— А знаешь, что в этой ситуации самое ироничное? — продолжил Сережа. — Ты и могла быть той самой девицей! Если бы меня тогда так больно не отшила! Только представь, чисто гипотетически!

— Даже гипотетически не хочу представлять! — буркнула я. — Если бы я тебя тогда так больно не отшила... возможно, ты бы и не разбился...

— Точно! — оживился он. — Ты виновата в моей смерти!

Вроде бы и шутка, но не слишком смешная. Виноватой я себя не чувствовала... но не поэтому ли он свалился на мою голову?

Он две пары выносил мне мозг, не давая слушать лекцию. Согласно его планам на день, раз уж я так и не собираюсь посетить кладбище, то должна непременно пригласить Артема в кино. На тихое замечание: «У него же девушка есть», ответил, что как раз сегодня Артем с девушкой в ссоре, так что самое время брать тепленьким. Обсуждаемый объект, действительно, постоянно смотрел на телефон, будто ждал от кого-то сообщения или звонка. Наверное, дружан его уже изучил все опознавательные признаки «ссоры». Но я потакать ему не собиралась.

Артем сам подошел ко мне, обескуражив:

— Пойдем после пар в кафе? Поговорим.

А ведь я уже почти начала обдумывать визит на кладбище! Такой шансище упустила поразвлекаться.

Мы уселись за столик в большом зале. Это кафе было излюбленным местом всех наших, поскольку располагалось совсем близко к институту. Заказали только кофе.

— Так и о чем ты хотел поговорить? — начала я, раз уж он никак не начинал.

Артем улыбался задумчиво:

— Поблагодарить тебя или поругать — еще не определился, — на мой удивленный взгляд пояснил: — С утра видел тетя Зину — она щенка выгуливала. Рассказала, конечно, что ты ей устроила! Жаловалась, что Бульба ей уже всю прихожую загадил и обувь погрыз! Она сегодня всю ночь из-за него не спала.

Сережа рядом с ним расхохотался от «Бульбы». Я только виновато улыбнулась.

— Маш, это было некрасиво, неуважительно и нагло. Кажется, то, что нужно. Серега именно так бы и поступил.

Тот, естественно, ухмыльнулся и демонстративно погладил себя по голове. Меня его поведение только раззадорило:

— Расскажи мне о нем! Какой он был?

Артем, наверное, такой разговор посчитал странным, но ответил:

— Мы с ним с детского сада знакомы, но сдружились класса с шестого... Хороший друг. Легкомысленным балбесом его считали только те, кто плохо знал. Если пообещает что-то, то в лепешку...

Я перебила:

— Нет, давай-ка расскажи что-нибудь не слишком хорошее — нарушь традицию.

Артем изумленно усмехнулся, а Сережа откинулся назад расслабленно — наверное, был уверен, что друг никаких пикантных подробностей все равно не выдаст.

— Зачем тебе?

— Интересно!

Теперь он задумался:

— Ну... он шепутной был. Дрался со всеми, зато быстро отучил весь двор от слова «безотцовщина»... Так... А-а! Ну вот, в седьмом классе мы с ним организовали банду. Решили грабить богатых и отдавать деньги бедным. К счастью, на первой же ходке нас изловили, — он рассмеялся, вспоминая. — У меня до сих пор пятая точка ноет, как вспомню отцовский ремень! У Сереги-то мать даже ругалась тихо и смешно... Наверное, поэтому он и не боялся оказаться впереди планеты — ну а мы всей компанией заодно попадали.

— И это все?! — возмутилась я, не дождавсь продолжения.

Сережа смеялся. Эх, не удалось выведать что-нибудь эдакое, чем можно его подкалывать!

— Все, что я могу тебе рассказать, — уверенно ответил Артем. — В курсе самых веселых происшествий только я и наш участковый. Говорю же — шепутной, так что любое твое самое смелое предположение может оказаться верным. Это он только в институте таким холеным стал — после того, как за ним девочки косяками начали ходить. А до того... тебе, наверное, сложно представить, что он в любой драке по малолетству заводилой считался и даже не боялся испортить свое личико...

Да нет, в драке я его легко могу представить. Особенно когда он не боится испортить мое личико.

Мы поболтали еще немного, а потом разошлись. Артем, конечно, и не думал предлагать меня проводить. Но я поняла кое-что важное: скорее, он сам этого не понимает, но ищет кого-то, с кем можно потрепаться ни о чем. Интуитивно он выбрал меня на эту роль, наверное, чувствовал, что друг его скалится неподалеку.

— Ну и чего ты его в кино не позвала? Могла ж превратить ваши посиделки в свидание! — донимал меня Сережа уже дома.

— Слушай, почему ты так хочешь разлучить его с девушкой? Пусть они сегодня поссорились — завтра помирятся.

Шторка отодвинулась, и он все-таки «занырнул» мне в ноги. Я как-то уже перестала стесняться принимать при нем ванну — все равно выгонять бессмысленно, если нашему полтергейсту «ску-у-учно».

— Она гадюка! — заявил он уверенно и даже брызнул мне в лицо водой с пеной.

— Они должны расстаться, потому что она тебе не нравится? — уточнила я.

Он присвистнул в потолок, но потом объяснил:

— Светка клеилась ко мне, когда мы еще в школе учились. Не просто клеилась — она ко мне в постель даже залезла. Я ее оттуда вышвырнул и пообещал, что все Артему расскажу. Так и не рассказал... А намеков он не понимает, — я кивнула, принимая такой мотив. — Она вообще дрянь — об этом все, кроме него самого, знают. А когда школу закончили — поступили в разные институты: разные пути, разные друзья. Мне кажется, он любит ее уже давно по привычке — привык любить, так тоже бывает. Они все равно разойдутся, потому что ссорятся все чаще и не мирятся все дольше — верный признак, что устали...

— Допустим, — остановила его я. — А я, значит, подхожу на роль его девушки? Такая классная, ага?

— Ага, — он рассмеялся. — Или потому, что я могу остаться тут навсегда. И может случиться такое, что только с тобой и буду общаться. Ты выйдешь замуж за Артема, и мы будем жить втроем! Его-то я хотя бы смогу терпеть!

Мы расхохотались оба от абсурдности идеи.

— Ладно, дуй в зал, я душ приму, — наконец-то успокоилась я.

Но он вдруг сосредоточился, даже нижнюю губу закусил:

— Подожди-ка, Маш. У меня есть мысль. Я должен научиться вселяться в тебя, когда ты в сознании! Мало ли что...

Я об этом тоже думала. Если бы во время драки с мутантами мне не ударили по голове, то история могла закончиться куда плачевнее. В самых исключительных случаях — например, как тот — я бы хотела иметь возможность отдать бразды управления Сереже. А

при общении с ним, уверена, такие случаи еще представятся.

— Ладно. И как?

Он поднялся — одежда его так и выглядела сухой — повернулся и просто сел на меня. В меня, если быть точной.

— Не знаю как, — голос раздался прямо в моей голове. — Расслабь сознание, разреши мне.

Это что еще значит — расслабь сознание? Я попыталась сосредоточиться — не помогло. Потом, наоборот, старалась отвлечься, чтобы ни о чем не думать.

— Никак? — уточнила я.

— Никак. Мащ, попробуй сама расслабиться. Чтоб в теле напряжения не было.

Это уже легче. Я и глаза прикрыла. Почувствовала, как моя рука самовольно дрогнула.

— О! — мы воскликнули на два голоса. А Сережа добавил: — Давай еще раз.

Я снова закрыла глаза и через несколько минут начала ощущать его присутствие — не в мыслях, а будто прямо изнутри моих мышц зарождается сила, которую создаю не я. Стараясь дышать медленно и глубоко, решила посмотреть, что происходит.

— Кажется, получается, — очень тихо сказал мой голос, но я не собиралась произносить слова. Значит, точно получается.

Рука поднялась вверх и растопырила пальцы. Сама я боялась пошевелиться, но улыбку не сдержала — улыбнулась я, а не Сережа. То есть телом мы управляли вдвоем — какие-то действия совершает он, а другие — я. Странное, но очень приятное ощущение — словно удвоенная сила или энергия.

Вдруг обе мои руки подскочили и практически вцепились в грудь, а рот произнес:

— Нет! С такими сиськами нам Артемку не захомутать!

Я без труда вышвырнула его из себя, еще и мыло кинула вслед хохочущему призраку. Сиськи ему мои, видите ли, не нравятся! У него и таких нет! Да у него вообще ничего нет! Собственно, именно это я и кричала в закрытую дверь ванной — интересно, что думают об этом соседи?

==> Глава 6. Ты подвел этот город!

— Ты где, труп-любитель? Я опаздываю!

Сережа часто куда-то пропадал — теперь его радиус позволял ему кутить чуть ли не по всему кварталу, так что он нередко развлекался, подглядывая за ничего не ведающими смертными. Но всегда возвращался, чтобы отправиться со мной... куда бы я ни отправилась. В общем, институт он теперь посещал чаще, чем делал это при жизни.

— Товарищ Чингачгук, ты где запропастился? Сереж!

Я напоследок осмотрела пустоту, чтобы убедиться в его отсутствии, и все же побежала в институт. К окончанию второй пары начала волноваться: не то чтобы он являлся субъектом, за которого стоит переживать... Но вдруг он вышел из бестуманной зоны и попросту заблудился? Или все-таки нашел свой свет в конце тоннеля — ведь когда-нибудь это должно произойти. Когда не обнаружила его и в квартире, то первым делом схватила его телефон — когда-то Сережа нашел эту вещь в первый раз, значит, сумеет найти и во второй. А если он никогда не вернется? Интересно, он заглянул бы, чтобы попрощаться, и была ли у него возможность попрощаться?

Скорее всего, просто опять экспериментирует. Вчера он учился спать — предполагаю, что спать он учился прямо во мне, когда я отключилась. Часов в пять утра смотрел телевизор, но к моему пробуждению его уже не было. Окончательно успокоилась, решив, что если он не ушел навсегда в какой-нибудь иной мир, то отыщется — это ж Сергей Севостьянов! От такого и захочешь избавиться — не получится.

Но почему-то облегченно выдохнула, когда он вечером показался из стены. На вопросы ответил только: «Я что, всю смерть должен вокруг тебя шляться?».

В следующие дни история повторялась: он куда-то исчезал ранним утром и появлялся только после четырех. Я и перестала волноваться — очевидно же, что нашел себе другую забаву вместо того, чтобы доводить меня. Зато ночевать домой приходит, как настоящий сожитель, фильмы со мной смотрит — любо-дорого взглянуть на нашу «семейку».

Но через несколько дней его серьезно-задумчивый вид меня насторожил. И до того, как я успела задать вопрос, решил объясниться сам:

— Слушай, Маш, я расскажу кое-что, — он был явно сосредоточен на собственных мыслях. — Правда, не знаю, что с этой информацией мы с тобой будем делать.

Я не стала отвечать, лишь вытянула ноги вдоль дивана, в которые он и уселся. Теперь мои стопы, погруженные в него, и разглядеть было невозможно.

— В общем, я этого мужика заметил еще несколько дней назад, — начал Сережа. — Он все возле школы крутится, подозрительный такой. Сам не свой — бубнит что-то постоянно, резко меняет выражение лица — странный. Ну, я и начал за ним приглядывать. Он машину за школой паркует, а сам буквально целый день там кругами ходит... До его дома я с ним добраться так и не смог, поэтому выяснил только детали.

— Продолжай, — я заинтересовалась.

— У него блокнот есть. Там про разных девочек пишет — расписание уроков, где живут, возраст. За одной следит — позавчера до самого дома за ней шел. Ей лет восемь-девять на вид. К ней-то я попасть смог — она тут рядом совсем живет, от школы три минуты. Семья бедная: мать-санитарка да дед-алкоголик, вдвоем живут. Ее любят, не

обижают, но и излишним пристомом не балуют...

— А это к чему? — я действительно не понимала, зачем мне информация о ее, хоть и неблагополучной, но вполне себе среднестатистической семейке.

Сережа наконец-то посмотрел на меня, взгляд оставался серьезным:

— Это к тому, что таких детей не похищают с целью выкупа.

Я затрясла головой:

— Ты думаешь, тот мужик хочет ее похитить? Может, это отец ее, например? Развелись, мать видется не разрешает... — я искала разумное объяснение слежке за ребенком, но что-то, действительно, не стыковалось. — А другие девочки в блокноте...

— Слушай дальше. После я уже мужика того постоянно пас, как только он тут появлялся. Если он и отец... всем этим девочкам, то, мягко говоря, так себе отец. Потому что передергивает в машине, когда первоклашек на площадку гулять выводят.

— Что делает?! — по-идиотски переспросила я. А он мне по-идиотски объяснил:

— Дрочит. Но не кончает. Смотрит на резвящихся детишек, расстегивает ширинку и...

— Фу! — я сморщилась и поджала ноги. Попыталась думать спокойнее: — Ладно. Допустим, он извращенец. И что? Такое и доказать сложно, да даже если докажешь — его вряд ли посадят! С чего ты взял, что он девчужку похитить хочет?

— С бутылки диэтилового эфира, тряпок, веревок и пачки скотча взял, которые он сегодня утром проверял в бардачке.

Я вскрикнула и прижала колени еще сильнее.

— И все равно... — заговорила после долгой паузы. — Что мы можем сделать? Заявить в полицию? Если он только собирается что-то сделать, то у нас не сажают за намерения! Или дожидаться, когда он что-то натворит?!

Сережа качал головой — он тоже не знал ответа:

— Сегодня ее дед со школы встретил — за бутылкой ходил, так что было по пути. Но история может закончиться уже завтра... для этой девочки. И в полицию бесполезно... У него ксива и форма в машине. Возможно, он сам есть или был полицейским, а может, поддельные документы себе сделал. Но предполагаю, уволен по состоянию здоровья или что-то в этом духе.

— Полицейский?! — теперь я уже совсем не представляла, в какую сторону думать. Мое слово без каких-либо доказательств против их коллеги — это просто пук в небытие! — Тогда что нам делать?

А делать что-то теперь придется, я просто не смогла бы сейчас забыть об узанном, а через пару дней смотреть новости о пропаже ребенка! Конечно, каждый день происходят какие-то зверства: людей убивают, похищают, насилуют, мучают — с этим приходится мириться. Но смириться можно только при условии, когда ты лично не в состоянии это предотвратить.

— Я мог бы встречать и провожать эту девочку. Но смысл? Он, очевидно, больной, но сознание у него достаточно стабильное — я не смогу в него вселиться, чтобы помешать...

— Я могла бы встречать и провожать ее! — подхватила я. — И еще — поговорить с ее матерью и дедом. Пусть дед на время о водочке позабудет — придумаю что-нибудь дико страшное для них! Просто чтобы кто-нибудь рядом с ней постоянно был на улице.

— Тоже смысла нет... — Сережа закусил губу. — Тогда этот извращенец просто переключится на другого ребенка.

Действительно. Какая-то безвыходная ситуация — сложно обвинить человека в

преступлении, которого он еще не совершил.

— У меня нет плана, — честно призналась я, намекая этим, что приму любой его.

И Сережа не заставил себя ждать:

— Я точно не знаю... Может, просто подойти к нему и сказать, что ты в курсе всего?

Если он до сих пор ничего подобного не делал, возможно, это его испугает? По крайней мере, будет знать, что если ребенок пропадет, то ты побежишь в полицию.

Плохой план.

— Ну да. И после этого он захочет убрать сначала меня? Мы ведь не знаем точно — он просто блаженный сумасшедший или уже готовый на преступление псих!

— Риск большой, — согласился Сережа. — И не факт, что это поможет. Он может просто на пару месяцев затаиться, а потом выбрать себе другую школу — подальше отсюда. И ты можешь пострадать. Так что тебе и решать.

И вот что, скажите на милость, тут можно решить? Из каких вариантов выбирать-то? Какие вообще варианты предполагают, что я смогу потом спокойно спать?

К окончанию уроков Вики я уже была возле школы. Мужчина — лет за пятьдесят на вид — действительно вызывал подозрения. Почему его никто до сих пор не заметил, раз он тут каждый день крутится? Хотя о чем это я? Пашку и других избивали, прямо не отходя от кассы — а это занятие нетихое. И то, никто из учителей не вмешался. А эта школа еще и была значительно попроще, чем Пашкина. Тут уж точно никому дела нет до какого-то странного, но безобидного мужика.

Он шел за ней следом и прибавил шагу, когда они почти сравнялись с полуразрушенным зданием. Идеальное место — вокруг никого. Ему стоит только затащить ее за стену и усыпить, а потом подогнать сюда машину. Я кинулась наперерез и просто остановилась перед ним. Вика оглянулась на нас, а потом потопала дальше, размахивая рюкзаком.

— Чем могу помочь? — он спросил вежливо, но взглядом девочку все же проводил.

— Я знаю, что ты хочешь сделать! — выкатить этой мрази мне не хотелось.

Он посмотрел на меня, но оставался спокойным:

— Чего?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Конечно, мне было страшно, но я знала, что поступаю верно. Этот день я тоже проживаю не зря!

— Я все знаю. Об эфире, скотче, об освобожденном багажнике твоих жигулей, о Вике, Лене и Кате. Вика ведь самая младшая из них, верно? Или ее просто не сразу хватятся, если она задержится со школы?

В его глазах мелькнула паника, но голос оставался ровным:

— Вообще не понимаю, о чем ты говоришь.

Сережа топтался рядом:

— Все, Маш, уходи. Он теперь ее побоится трогать. Уходи!

Я так и собиралась сделать, но напоследок нужно было закрепить результат:

— Если пропадет хоть какой-то ребенок в городе, я сразу пойду в полицию.

Он кинулся настолько резко, что я не успела среагировать. Он точно служил в силовых органах, потому что каждое его движение было выверенным. Зажав рот чем-то мягким, он просто тащил меня в сторону. За стеной нас уже никто не увидит. Я старалась не вдыхать едкий запах, но сознание все равно поплыло. Швырнул на землю, и едва я успела повернуть голову, как увидела направленный на себя пистолет. Черт! К такому я готова не была. Судя

по выражению лица Сережи — для него это тоже оказалось сюрпризом. Но он не стал тратить время на то, чтобы возмущаться отходу от сценария и сразу занырнул в меня.

— Не ори, — спокойно сказал мужик.

Он не стрелял, боясь, что звук привлечет чье-то внимание. Наверное, ждал, когда я отключусь. Но я вдохнула совсем немного, зато это дало возможность Сереже моим телом управлять. Да вот только что он сможет сделать против пистолета?

Мужик снова ринулся ко мне, заноса вперед руку с тряпкой — этого нельзя позволить! Сережа пнул его моей ногой в колено, и, пользуясь незначительной заминкой, быстро поднялся и побежал. Мы залетели за другую стену недостроенного здания и оказались в тупике — здесь выхода наружу не было, даже окна располагались слишком высоко.

— Не паникуй! Ты выбрасываешь меня! — сказала я сама себе, но последовать совету просто не могла.

Было понятно, что мужик это здание изучил заранее, потому что его шаги раздавались размеренно, без спешки. Я не смогу выбежать иначе, кроме как мимо него. Он не хочет стрелять, но выстрелит, если понадобится. Просто вырубить его не так-то просто — он профессионал, а не какой-то там школьный гопник. А я боялась — я никогда, даже при знакомстве с призрачным телефоном, так не боялась. Оказалось, что раньше был вообще не страх, а какие-то пустые переживания. Там пугала неизвестность. А настоящий страх появляется только тогда, когда все понятно — он идет, чтобы убить меня. Он настолько уверен в этом, что даже не спешит.

Сережа вылетел из меня — и я ничего не смогла с этим сделать. Это не тот ужас, который можно обуздать. Сил хватило только на то, чтобы поднять кирпич и кое-как выпрямиться — я хотела встретить эту тварь, хотя бы стоя на ногах. Он вошел в проем, остановился и скользнул по мне взглядом вниз и вверх. Спасибо, хоть песенку не насвистывал. Сережа попытался вселиться в него, но тут же вылетел обратно. И мне даже не нужно было смотреть на него, чтобы понимать, что он тоже в ужасе.

Мужик шагнул ближе, направляя в меня дуло пистолета, другая рука крепко сжимала белую тряпку. Сережа со всего размаха ударил по пистолету, но его рука прошла сквозь, лишь слегка качнув. Он тут же принялся лупить еще — и я поняла его стратегию. Крепкая рука ствол не выронит, но зато мужик пришел в недоумение, не понимая, что происходит. Это отвлечение внимания — единственное, что может дать мне шанс.

Я кинулась вперед. Врезала кирпичом сначала по руке, и, даже не останавливаясь на то, чтобы узнать — выбила ли пистолет, тут же в плечо, потом в лицо. Он начал заваливаться, когда я била со всей силы по голове, слыша хруст при каждом ударе.

Окончательно пришла в себя, уже отшатываясь и роняя кирпич. Сколько крови... Меня затрясло.

Я отходила назад, качаясь и зажимала рукой рот, чтобы не начать орать. Сережа же согнулся пополам, а потом выпрямился, начиная облегченно улыбаться.

— Вот, опять ничего! Никаких призраков... Вот куда они сразу исчезают, а?

Он умудряется шутить в такой момент?! Я старалась дышать глубоко, сдерживая рвотные позывы. Говорить смогла гораздо позже, да и одно только:

— Я убила человека. Я. Убила. Человека. Я убила...

Сережа подлетел ко мне, закрывая собой лежавшее на полу тело:

— Я убила...

— Перестань, Маш, перестань! Иначе он убил бы тебя!

Надо дышать, иначе меня вырвет.

— Я убила...

— Маша! — Сережа теперь кричал. — Это не человек! Это чудовище! Помнишь Вику? Вспомни Вику, Маш! У нее дырка на колготках, видела? Вспомни дырку на ее колготках. Маша!

Я наконец-то смогла посмотреть и на него. Теперь даже получалось думать — да, я спасла эту девочку с дыркой на колготках. Эта дырка делала ее реальной — более реальной, чем то, что сейчас произошло. Но думать приходилось и о другом:

— Я убила полицейского... Может, бывшего... Меня посадят.

— Не посадят, — Сережа водил рукой по моему лицу, но я чувствовала только прикосновение ветра. — Не посадят, Маш. Ты, главное, успокойся.

— Кто-то мог видеть, как я шла за ним со школы. Вика видела. Когда начнут опрашивать свидетелей...

— Успокойся! — рявкнул он, и это привело меня в чувство.

Сережа повернулся и подошел к телу, легко погрузился в него. Мужик тут же открыл глаза, хотя лицо его представляло собой кровавое месиво. Сел, а потом почти бодро встал на ноги.

— Что ты собираешься делать? — мой желудок снова подскочил к горлу.

Он уже обыскивал карманы — достал паспорт, глянул прописку, потом поднял тот самый кирпич.

— Нам потом с тобой придется вернуться сюда, осмотреться лучше — чтобы крови не осталось. Но это потом. А сейчас я собираюсь сесть в свою машину и направиться к себе домой. Пошумлю там сегодня, чтоб соседи хорошо расслышали. Убьют меня ночью, в моей же квартире — там и замок сломаю, и орудие убийства положу, чтоб меня было удобнее убивать.

— Но судмедэкспертиза...

Он отмахнулся:

— А, придумают что-нибудь. Никто не начнет опрашивать свидетелей на другом конце города.

Сережа обмотал тряпкой голову, поднял ворот куртки, а лицо сверху попытался замазать землей, но это мало помогло. Прокомментировал сам:

— Попытаюсь как-нибудь до машины добраться, там у него кепка есть. Ладно, решу на месте что-нибудь...

Пусть решает, а мне решать нечем.

— Я домой пойду, — единственное намерение, которое я могла в себе отследить.

Мужчина протянул ко мне руку, но я инстинктивно отшатнулась.

— Нет, Маш. Тебе придется ехать на троллейбусе и тусить где-то возле педа... У меня радиус — километра два, так что тебе придется... Там же где-то наша Танюха живет — попросись в гости.

— Ладно.

Я пошла первой, потому что просто не могла тут больше находиться.

К Танюхе я, естественно, не пошла — мне не то чтобы в гости напрашиваться, вообще говорить было сложно. Просто сидела на остановке, потом обошла все магазины и снова вернулась на остановку. Поторчала в кафе — я знала, где тот самый дом, поэтому боялась уйти куда-то дальше. Есть мне не хотелось, но я слишком замерзла, поэтому заказала себе

кофе, которое тянула пару часов. Туалетное зеркало продемонстрировало страшное зрелище, но люди на меня не оборачивались — значит, моя бледность и бешеные глаза не слишком подозрительны. На куртке я не обнаружила ни одной капли крови, но я все равно ее потом выброшу. Стоимость сеанса у психолога уже совсем не казалась завышенной.

Замерзая на троллейбусной остановке, я прокручивала в голове одну и ту же мысль — я убила человека. Плохого человека с плохими намерениями. Его намерения по отношению к девочке были очевидны, раз в кармане он наготове держал тряпку, но все же он этого не сделал. Может ли быть такое, что он так бы и не решился, остановился бы в последний момент? Я не дала ему возможности остановиться. Но если он не был готов, разве кинулся бы на меня? Любой, в ком были бы сомнения, просто послал бы меня ко всем чертям и ушел! В моем случае была стопроцентная самозащита — почему же в груди никак не успокаивается?

— Ну что, пойдём? — Сережа наконец-то появился на безлюдной остановке.

До дома пешком было очень далеко, да и сил к часу ночи уже совсем не осталось.

— Такси вызовем.

В машине он рассказывал какие-то детали, но мне было все равно. У мужика этого дома куча медицинских справок и неотоваренных рецептов... У мужика этого... У мужика... У мужика этого весь комп забит детской порнографией. У мужика этого есть дача, наверное, именно туда он и собирался увезти... Или прямо там... Нет, мне все равно.

Дома я сказала Сереже только, что если бы его не было, то я бы в этой ситуации не оказалась. Не очень справедливое обвинение, но мне нужно было кого-то обвинить. Он даже не отрицал и вообще был какой-то притихший. Я бы все выходные продрыхла, но нарисовалась бабулька с пятого, которую так некстати выписали. Она зашла, чтобы забрать свой ключ, потом сходила проверить, ничего ли не пропало — вот прямо так мне и сказала, а затем снова вернулась, чтобы обсудить последние подъездные новости. Она их сама с собой и обсуждала, но после общения с ней голова просто раскалывалась. Хорошо, хоть завтра нет каких-то важных семинаров, к которым обязательно нужно подготовиться.

— Подъем! — заверещал Сережа, как обычно, за минуту до будильника.

Я кое-как продрала глаза, чтобы увидеть ухмыляющуюся рожу висящего прямо надо мной призрака — он часто так делал. Орала я только в первые два раза. Но сейчас вместо крика просто в него чихнула. Он демонстративно поморщился, но потом опустил рядом.

— Заболела, что ли?

Нос заложен, голова трещит, хочется забиться в уголок и поскулить — точно, заболела. Скорее, от стресса, чем от переохлаждения — слыхала, такое случается. С удивлением увидела, что Сережа мне несет градусник — сводит сосредоточенно брови, боясь уронить.

Я сунула холодное стекло подмышку, а сама поинтересовалась хрипло:

— Ты чего это такой заботливый сегодня?

Он снова улегся рядом, задумался, а потом заговорил как-то быстро, видимо, давно хотел это сказать:

— Виноватым себя чувствую, вот! Ухаживать за тобой буду! Вот! Чтоб вину свою загладить. За то, что я есть...

Я сквозь него протянула руку, чтобы взять платок — сопли так и норовили покинуть свое убежище.

— Да ладно. Я зря это сказала. Ты прав — если бы мы не вмешались, то эта девочка...

— Но ты чуть не погибла, — сказал он совершенно серьезно. — Потому что план был

совсем дерьмовый.

— Тут не поспоришь, — я вытащила градусник, на котором уже набежало 37,7. —
Сможешь принести мне таблетки?

— Обнаглела, Ваше Величество!

— Зови меня «Бэтмен», щенок. И пошевеливайся.

==> Глава 7. Матрёшки

Две кружки! Целых две кружки с водой он не донес до моей постели, а на третьей я уже не выдержала. Переступила нервно через осколки. И так едва хожу — еще и убирать теперь!

— Не-не, — Сережа шел навстречу, не отрывая взгляда от рук со стаканом. — Дуй назад. Я уже почти...

Я просто выхватила у него тару, сделала глоток, а лишь потом прошипела:

— В туалет я хочу, понял?!

Хотя стоит признать, что он очень старался. Не шумел, не шутил, не беспокоил меня. Даже пытался погладить по голове, когда я засыпала — а я почти постоянно засыпала.

— Ты что делаешь? — поинтересовалась я, ощущая ветряное прикосновение к своему больному челу.

— Ласково чухаю тебя! Жалею!

— Да я же почти не чувствую, как ты меня... как ты там сказал?

Он тут же улыбнулся и нырнул в меня — болезненное сознание позволяло ему это делать без труда, а у меня сил сопротивляться не было. Теперь я гладила себя своей собственной рукой — ахтунг-ахтунг, вызывайте санитаров!

— Сереж, отстань уже. Я не хочу сама себя жалеть!

— Спи, моя радость, усни-и-и, — пропел мне мой же рот. — Тебе пора научиться абстрагироваться от себя, раз уж мы тут иногда бываем оба.

— Ну да, абстрагироваться...

— Да и к тому же, откуда ты знаешь, что я делаю с твоим телом каждый раз, когда ты спишь? Между прочим, ты уже раскрученная стриптизерша в клубе неподалеку.

— Чего? — я даже глаза открыла. А он взял и тут же их закрыл.

— Шучу я. Спи.

Я позвонила Танюхе, предупредила, что пропущу несколько дней. Хоть температуру сбивала, самочувствие было просто адским. На третий день стало скучно, потому что спать постоянно уже не хотелось. Сережа читал мне книжку голосом доброго волшебника. Ему иногда даже удавалось самому перелистнуть страницы... От такой опеки стало еще скучнее, потому что книжка, волею судеб, оказалась учебником по сопромату. Но он умудрялся даже формулы читать с выражением, растягивая слова.

В итоге мы завернулись в одеяло и смотрели сериал на ноутбуке. На третьей серии зазвонил мой телефон.

— Привет, Артем, — мой голос еще сильно хрипел.

— Как себя чувствуешь?

Сережа изобразил такую физиономию, что я чуть не расхохоталась: вытянул губы в «О-о!» и закатил хитрющие глаза к потолку.

— Да так. Отхожу понемногу.

Он будто замялся ненадолго, но потом спросил:

— Маш... Можно, я приеду попроведать тебя? Апельсины там — все, как полагается! Конспекты тебе откопирую. А то Танюшка сказала, что ты там одна совсем... Она, кстати, завтра хочет к тебе заглянуть.

Сережа даже изображать обморок прекратил, быстро-быстро закивал головой.

— Эм-м, ну приезжай... Если заразиться не боишься, — и продиктовала адрес.

Только после того, как отключилась, пожалела, что поддалась уговорам призрака.

— И как я ему понравлюсь — с распухшим носом и красными глазами? Да и сиськи у меня за это время не сильно выросли!

Сережа уже открыл шкаф в поисках того, во что мне следует переодеться:

— Наоборот! Ты такая мерзко-опухшая, что вызываешь жалость и желание няшкать! Вот честно! — я только рассмеялась. — Но радуюсь я потому, что, похоже, со Светкой он так и не помирился, раз лыжи на другой плацдарм наострил...

Безумно приятно услышать такой комплимент! Да и не находила я ничего слишком странного в этом визите — до Сережиной смерти мы вообще очень дружные были. Иногда больных всей группой и навещали, так что мне еще повезло.

Я все-таки привела себя в порядок, насколько могла. Вместе заправили постель — у него обращаться с предметами выходило все лучше. Толковый полтергейст — отличный помощник в хозяйстве! Вот только мне попался бестолковый: фиг заставишь что-то сделать. Но в последние дни он был исключительным лапочкой. Поэтому даже спорить не стал, когда я пошла открывать, а ему скомандовала: «Щелкни чайник».

Артем зашел внутрь и протянул мне пакет с апельсинами. У меня никого из одноклассников, кроме Танюхи, раньше в квартире не бывало. А, ну кроме мертвых одноклассников, которые сейчас кружили около гостя и счастливо посмеивались.

Я заметила, что Артем скован и смущен. Возможно, что Сережа и не преувеличил про наостренные лыжи. Ведь и правда — он мог приехать с кем-то, но решил заявиться один. Визит вежливости или предлог?

Он подробно расспросил о самочувствии, рассказал о том, что было в институте, как ругается Сережина мама на Бульбу, согласился выпить чаю. Я смотрела на него и не могла не отметить, насколько он приятен мне. Просто загляденье! Такой живой, такой нормальный... такой совсем не из тех, кто убивает педофилов, а потом хладнокровно скрывает следы преступления. Он будто из другого мира — и теперь я даже не знала, чей мир реальнее. Как будто то, что я сделала, сразу отдалило меня от нормальных людей за границу горизонта.

— О чем задумалась? — Артем нахмурился. — Устала? Я пойду, наверное.

— Нет, посиди еще! — спохватилась я. — Мне скучно тут... одной.

Сережа кивнул — мол, не отпускай торопыгу просто так.

Но говорить особо было не о чем. Артем завел разговор, что надо возобновить групповые «выпасы» — мне оставалось только поддакнуть. В общем-то, и все. И я решила — естественно, не без поддержки невидимых для остальных собеседников:

— Расскажи мне о своей девушке, Артем. Света же ее зовут?

Он удивился:

— Света... Я никогда не говорил о ней... Откуда ты знаешь про Свету?

— Не помню точно... — я решила не сдаваться. — Может, Сережа рассказывал.

— Не знал, что вы с ним так близко общались...

Ну вот, куда-то я не туда свернула. Надо выворачивать:

— Общались. Не близко... Ты не хочешь рассказывать? Тогда извини.

Артем оживился, решив не смущать меня еще сильнее:

— Да нет! Я просто... Да. Мы с ней встречаемся. Встречались...

Сережа потер руки, а я уточнила:

— Встречались?

Я пожалела, что завела этот разговор, ведь он явно не горел желанием откровенничать. А как иначе оттащить наши отношения от сугубо институтских вопросов?

— Знаешь, Маш, — Артем сам встал и подлил себе и мне чаю. — Я не особенно хочу в это углубляться... Мы очень долго были вместе, но, кажется, все кончено. И впервые я не думаю, что стоит к этому возвращаться. Как-то все давно уже развалилось, просто...

Мне стало уж совсем не по себе, поэтому я перебила:

— Я поняла, не продолжай.

Он улыбнулся, а Сережа позади него изображал радостного гуся.

— А ты? Встречаешься с кем-то? — ну естественно, раз я сама завела эту тему, то дала и ему право задавать такие вопросы.

— Нет.

— Ясно.

И после этого неловкость между нами стала непроходимой. Мы поговорили о чем-то еще, снова вспомнили Бульбу, а потом он все же засобиравшись домой. В дверях, правда, затормозил:

— Маш, — еще до того как он сказал, я по его смущению могла догадаться о продолжении: — Может, потом сходим куда-нибудь? Вдвоем. Ну... когда будешь здорова.

— Конечно.

И теперь он улыбнулся увереннее, а Сережа налетел на него с обнимашками — тот только поежился. После ухода Артема я настроилась на выговор:

— Ну ты и придурочный, Сереж! Вот честно! Сидел постоянно рядом — какая тут романтика? На свидание тоже со мной пойдешь, да?

Он опешил:

— Я как-то не думал, что ты до сих пор меня стесняешься! Но если бы у вас какие шуры-муры... то я бы, конечно, скромно удалился...

— Пошли посмотреть сериал дальше, Мистер Скромность.

Я вернулась в институт к концу недели, и Артем, к нашей пущей радости, пересел ко мне. Навострил лыжи — тут уж грех спорить. Однако свидание наше отложилось, потому что кто-то поднял вопрос о «выпасе». Артем и предложил всей группой отправиться к его родителям на дачу — там дом отапливаемый, не замерзнем. То есть не просто «выпас», а «выпас» по полной программе: с ночевкой и шашлыками. Все с радостью эту идею подхватили. Тут же скинулись и разобрали обязанности — кто покупает и маринует мясо, кто тарится другими продуктами, кто отвечает за спиртное. Артем объяснил всем, у кого были машины, как добираться, остальные — на автобусе. В общем, гулянья планировались грандиозные.

Но оказалось, что они только грандиозно планировались. Часов через пять сумасшедших танцев, диких песнопений и совместных воспоминаний, все уже порядком подустали. Ромка вообще прямо за столом уснул, его парни потом утащили на диван. Вскоре и остальные постепенно начали разбредаться по большому дому, чтобы поуютнее устроиться. Но Сережа наслаждался — хотя сам и не мог принимать участия, ему явно все нравилось. Артем тоже был заметно пьян, а я решила отправиться спать. Пока я тут, Сережа сможет делать все, что угодно. Пусть хотя бы посидит рядом со старым другом — и то хорошо.

Но как только дом окончательно затих, я вздрогнула от чужого прикосновения.

Повернулась — прямо дежавю. Только на этот раз передо мной было лицо Ромки. Я по ухмылке сразу сообразила, что происходит:

— Ты спятил?

— Он в полном отрубе! — Сережа шептал. — Пошли, Маш, погуляем! Все уже спят.

Схватил меня за руку и потащил, не давая возможности отказаться. Уже на улице я со смехом осмотрела его — Ромка не слишком симпатичный парень: розовощекий, немного полноватый — не в моем вкусе, но этого озорства в его глазах я никогда раньше не видела.

— А если он проснется?

Сережа махнул рукой:

— Не волнуйся. Он вообще в ауте. Даже если проснется — придумаешь что-нибудь! Ты ж у меня сообразительная. В любом случае сильно трезвым он никак не проснется.

Он снова схватил меня за руку и потащил в темноту.

— Пошли на пустырь! Я Ромкин телефон прихватил — у нас будет музыка!

Я со смехом спешила за ним, стараясь не споткнуться.

Мы остановились на поляне за дачами. Вокруг — черный лес, а тут светло, как на арене, освещаемой только звездами. Сережа порыскал в плей-листе, а потом включил какую-то зверскую песню, поднял руку с телефоном вверх, а другой схватил меня за талию.

— Никогда не замечал, какая ты высокая, Маш!

Мы танцевали что-то вроде медленного танца, хотя музыка совсем не соответствовала. Или мы музыке не соответствовали?

— Это просто Ромка ростом ниже тебя, — ответила я и положила руки ему на плечи.

— Точно! Но смотри, как у меня получается уже отлично управлять телом — со стороны и не подумаешь... — он в подтверждение своих слов легко крутанул меня. Правда, при этом я запнулась о камень, но он не дал мне упасть: — Вот только тело это неповоротливое.

— Твое было лучше, — отшутилась я, восстановив равновесие.

— Факт! Мое вообще было лучше всех! — он рассмеялся в небо.

— Наш самовлюбленный Сереженька — собственной персоной!

Мы оба остановились и теперь смотрели вверх. Странное ощущение — вокруг только бесконечный купол, словно втягивающий в себя глубиной. И будто ничего больше нет — только небо и мы, так и обнимающие друг друга. Я только потом заметила, что музыка не играет — наверное, потому что космос требует тишины.

— Я не хотел умирать, Маш, — он сказал это так тихо, что я даже не смогла бы отличить его голос от голоса Ромки.

Внутри от его шепота что-то засвербило.

— Мне жаль, что ты умер.

И снова тишина и бесконечность.

— Я не был готов умирать. Знаю, это звучит глупо — никто не готов... Но я отказался. Отказался перестать существовать, понимаешь? Может, я поэтому и не нашел свою дверь?

Я опустила голову и теперь смотрела в лицо Ромки, черты которого не имели ничего общего с Сережиными.

— Ты думаешь, что дальше ничего нет? Что если бы ты пошел дальше, то просто перестал бы существовать?

Он тоже посмотрел на меня:

— Да, Маш. Если там что и есть, то только еще более плотный туман. И никаких звезд.

Я не могла ни согласиться с этим, ни оспорить. А просто порывисто обняла его:

— Тогда хорошо, что ты нашел способ существовать дальше.

Он вдруг отпихнул меня и заговорил громко:

— Ты замерзла? Холодно. Недавно ж болела! — протянул мне руку. — Мадам, позвольте пригласить вас на выставку!

Я улыбнулась:

— На какую еще выставку?

— На выставку матрешек! — торжественно объявил он и снова куда-то меня потащил.

Я не самый большой любитель пробираться на чужие дачи, но выбора мне не оставили. Очевидно же, что он сюда не раз уже залезал — знал точно, где открыть щеколду, в какое окно пролезть, где включается свет. В этом доме было холодно, но все же гораздо теплее, чем на улице.

На полке действительно стояла целая коллекция разных матрешек — штук тридцать! И не боялся же хозяева, что кто-то украдет. А может, просто не успели вывезти вещи с дачи — к зиме обычно все так делают, а пока только октябрь. Мы рассмотрели «выставку», а потом нашли старые газеты с кроссвордами. Наверное, нам обоим не хотелось возвращаться к остальным: ему — потому что он был счастлив почувствовать себя живым, мне — потому что мне нравилось видеть, как он счастлив.

— Сереж, почему ты позвал меня? Ведь ты мог точно так же вселиться в Ромку и пообщаться с тем же Артемом.

Он оторвал взгляд от кроссворда:

— Ага. И гундосить в нос о том, как я не мог сдать типовые на первом курсе? Если бы Ромка загундосил о чем-то еще, то люди сразу заподозрили бы неладное. А с тобой мне хоть притворяться занудой не надо.

Я рассмеялась и потрепала его по волосам. Он показательно замурчал и начал, как кот, подсовывать мне голову под ладонь, чтоб погладила. Я, конечно, это сделала:

— Черт, как же приятно! Я соскучился по прикосновениям больше, чем по чему-то еще. Стопроцентный гедонист!

Он уже уложил голову мне на колени, чтоб мне было удобнее выполнять свои прямые обязанности. Сам Сережа разве что ножкой не подрагивал от восторга, газету просто отбросил за ненадобностью.

— А разве ты что-то чувствуешь?

— Угу. Чувствую все, что чувствует тело. Так что если ты до сих пор на меня зла, то можешь и треснуть.

Даже будь я зла на него, все равно не стала бы портить ему день — такое короткое его время. Как я могу отнять у него эти минуты почти воскрешения?

— Но знаешь... — продолжил он со смехом. — Если в следующий раз тебя все-таки убьют, то ты не уходи, ладно? Будем вместе хлопать дверцами! Бабку с пятого доконаем...

Я забыла свои недавние мысли и все-таки дала ему по уху.

— Ай-й! Не бей Ромашеньку! Что он тебе сделал, гадюка?

Мы возвращались на дачу Артема уже под утро. Конечно, я и не думала отнимать у него руку — и без того слишком мало он успел получить.

— Вы где были? — окликнул с кухни Ваня.

— На выставке матрешек! — ответили хором и от этого рассмеялись.

Меня в тот момент не волновало, что другие, в том числе и Артем, могли заметить наше

отсутствие. Ну гуляли мы где-то вдвоем с Ромкой — что тут такого? Лишь бы Ромке об этом никто не рассказал...

==> Глава 8. Милые свидания

Через неделю мы все же сходили с Артемом на свидание. И это было мило. Ладно, чуть больше, чем просто мило. Поскольку Сережа, прочитав мне напутственную речь, пообещал нашей романтике не мешать, то и разговаривалось теперь куда проще. Мы и в кинотеатр заглянули, и в кафе посидели, а потом еще и в парке гуляли. Артем рассказывал очередную историю о своих школьных приключениях, когда я впервые себя поймала на мысли, что, возможно, девочки за Сережей косяками ходили не только из-за внешности. О нет, Артема скучным назвать нельзя — ни у кого язык бы не повернулся! Он... просто был самую малость скучнее Сережи. Замечательный парень — и до сих пор ни одного недостатка. Но вот только он вряд ли из тех, кто способен даже дачную вылазку превратить в светопреставление.

Как и любое милое свидание, наше закончилось милым поцелуем у подъезда. Артем к тому моменту уже чувствовал себя уверенно настолько, чтобы приобнять меня и ласково коснуться губами, за что и получил улыбку в ответ. Конечно, наивной душой я не была и понимала, что он не забыл окончательно свою Свету за такой короткий период. Да, я ему нравилась, но он пока не был влюблен. И это очень кстати — потому что он мне тоже очень нравился, но пока без трясущихся поджилков. Зато, если все так пойдет и дальше, то из нас получится самая милая пара на свете.

Само собой, что в квартире я первым делом сообщила сожителю, что «все идет по плану: общались, целовались», даже и не думая стесняться. Но он меня удивил или даже насторожил. Может быть, я рассказала об этом и без фейерверков с оркестрами, но он, по моим предположениям, должен был прыгать до потолка от счастья — «до потолка» в прямом смысле. Но он только улыбнулся как-то заторможено и спросил: «Чай будешь? Сейчас уже закипит».

Немного непредвиденная реакция, точнее — ее отсутствие. Наверное, ему просто скучно одному, а выслеживать очередного педофила — пока ни он, ни я не готовы. Просидел весь вечер дома, а теперь даже удержался от того, чтобы начать выпрашивать у меня подробности. В кои-то веки мы лицезрели тактичного Сережу — прямо красный день календаря!

Глянула на часы — оказывается, еще совсем не поздно. Встала решительно и заявила: — Так, дорогой, я в душ, а ты иди кино выбирай — посмотрим что-нибудь страшненькое, раз ты сегодня такой грустненький.

Он кивнул и как-то слишком послушно направился к ноутбуку. Что с его настроением? Это может быть связано с Артемом? А не решил ли в мое отсутствие мой неугомонный сожитель, что он теперь вроде как в стороне остается — и оттого ему грустно? Эгоцентричный при жизни, он и сейчас этот навык не растерял. Ничего, привыкнет — не век же нам с ним парочкой ходить. Но выходя из ванной, я, вопреки этой мысли, высказала внезапно назревшую идею:

— Сереж, а пошли завтра в парк? Скоро опять похолодает, а пока так здорово! Слышишь? Или куда ты хоч... ой.

Я осеклась, увидев на диване Пашку — собственной гандонистой персоной. Лыба у него тянулась вширь с таким размахом, что он уже на себя переставал быть похожим. Собралась:

— Пашка? А ты чего тут...

Он еще и бровь изогнул — вообще жуть!

— Мать фарш тебе отправила. А я вот думаю, не буду-ка звонить, предупреждать. И вон как вышло-то — прямо в строчку!

Сережа за его спиной просто пожал плечами, но потом решил оправдаться за косяк:

— Ты ж сама мне запретила заходить в ванную, когда душ принимаешь. Да и откуда я мог знать, что ты при брате начнешь про посторонних мужиков орать?

Ему я, конечно, не ответила, а Пашка моих комментариев вообще дожидаться не стал:

— Сережа! Сереженька! — закричал он сначала в одну, а потом в другую сторону. — Выходи, подлый трус, родственники в гости пришли, — он рассмеялся, а потом обратился ко мне. — Вот же у матери глаза на лоб вылезут, когда она узнает, что ты тут парня какого-то поселила!

Я закатила глаза к потолку — в этом весь Пашка и есть! Он ни разу в жизни не упустил возможности настучать на меня предкам, а когда не о чем было стучать — приврать. А тут сам черт велел...

— Пашка, — я старалась не повышать тона. — Пошли, чаем угощу! — направилась на кухню, и после того, как он засеменил следом, заговорила громче: — Чаем угощу да напомним, кто твою задницу недавно от добрых школьников спас!

Он и не собирался смущаться, отмахнулся:

— Это когда было-то! Да я бы и сам от них отделался, тебя в спасители никто не звал!

Кто бы сомневался... Подростки благодарными быть просто не умеют. Я не смогла бы найти с ним общий язык, даже если бы пожертвовала почку для спасения его жизни! Он бы и в том случае через неделю сказал: «Это когда было-то! Мне что, теперь всю жизнь тебя за это благодарить?» Пашка уселся за стол и с довольной рожей наблюдал, как я достаю печенье и чашки.

— А отец-то как обрадуется, когда узнает, зачем ты отдельное жилье выпрашивала! Когда познакомишь любимого папу с Сереженькой? До инфаркта или после?

Что-то довольность его рожи начала припекать. Поэтому я усмехнулась и села напротив.

— Видишь ли, братик, я не могу познакомить папу с Сережей, потому что Сережа — призрак. Полтергейст, если быть точной.

Он расхохотался так рьяно, будто до этого едва сдерживался:

— Решила прикинуться идиоткой? Не получится! Я тебя навещать в психушке не буду — даже не надейся!

Как же мне охота его треснуть! И у родителей дубликаты ключей забрать... Но внутри как-то все улеглось, теперь я тоже улыбалась:

— Сереженька, душа моя, будь любезен — хлопни дверцей.

Тот коротко пожал плечами и с хитрящей ухмылкой выполнил просьбу. Потом еще два раза. Пашка подскочил и заозирался — веселье как рукой сняло:

— Это че ща было?

Сережа пнул его стул так, что тот даже подпрыгнул перед тем, как перевернуться. Пашка отскочил и вскрикнул. Ну что, гонору-то, я смотрю, заметно поубавилось. Отхлебнула чаю, пока мой напарник продолжал веселиться, хлопая по очереди всеми дверцами гарнитура, выдвигая ящики, а напоследок просто взял Пашкину кружку и сунул ему в руки. Тот уже даже не шевелился, окаменел с разинутой челюстью. Удивительно, но

предложенный чай он пить не стал, а трясущейся рукой поставил чашку обратно на стол.

— Машка! — неожиданно заверещал брат после того, как немного пришел в себя. — У тебя есть свой собственный призрак! Господи, как же это круто!

Я офигела. Пашка отмер и, вытаращив глаза, вглядывался в воздух вокруг, но, очевидно, ничего разглядеть не смог.

— Сережа, — теперь он говорил тише, старясь отчетливее произносить слова — как когда разговаривают с иностранцем. — Привет! Я Паша. Дай пять!

Сережа тоже малость офигел от его реакции, но без лишних уговоров дал пацану пинка под зад. Тот вообще взвился на месте, счастливо восторгаясь:

— Я почувствовал! Как ветер или сквозняк! А-а-а!!! Это же просто... охренеть! Охренеть! Можно, я буду жить с вами?!

— Ну уж нет! — тут уже и я поднялась на ноги. — Вали домой!

Он сопротивлялся, пока я уверенно выталкивала его в прихожую.

— Сережа, пока! — орал он в пустоту. — Я завтра приду, ладно? Блин, да я всем расскажу!

— Ага, расскажи. Только в психушке я тебя навещать не буду — даже не надейся, — всунула ему в руки куртку и кое-как выдавила в подъезд, но он опять застопорился:

— Сестреночка! Маша! — таким голосом президент новогоднюю речь толкает. — Ты — мой герой! Можно я тебя обниму?

Я захлопнула дверь перед его носом и вздохнула. Вот, оказывается, как нужно завоевывать уважение подростков — кто бы мог подумать. Настроение у Сережи теперь стало обычным — шумно-веселящим, поэтому остаток вечера мы отлично провели за просмотром фильма, прерываясь только на смех.

Пашка теперь навевался часто: то «мать попросила тебе передать этот бублик», то «мимо проходил, замерз, можно погреться?», то «меня из дома выгнали, сестра! Ты же не оставишь ребенка на улице?». Да мне они как-то не особо мешали, если не сильно шумели. И Сереже новое развлечение, ну а Пашка просто влюбился — окончательно и бесповоротно. Пусть. Лишь бы к учебе давали готовиться. Брат, конечно, часто перегибал:

— Маш, смотри, Сережа шевелит моей рукой!

— Отстань.

— Сеструлечка, а что Сережа сказал? Он пытается написать на листке, но... дай нам ноутбук, а?

— Умрите оба! Хотя это не всем помогает...

— Машуля, а ты выйдешь за Сережу замуж? Разве бывает кто-то класснее, чем полтергейст?

— Обязательно.

— Ма-а-а-аш! А поехали на кладбище? Я хочу на фотку его посмотреть!

— Сережа, ты с этим кладбищем уже и Пашку достал?

Из всех этих приключений мы могли сделать три вывода:

1) Пашка, хоть и верит, но Сережу не видит — даже тень. А это значит, что и другие вряд ли рассмотрят.

2) Со временем мы можем посвятить того же Артема в эту тайну — правда, не знаем, что он с этим осознанием будет делать. Может, и не стоит теревить старую рану, раз все равно друга в привычном виде он не вернет.

3) Пашка — идиот.

С Артемом еще пару раз посидели в кафе возле института — он явно не собирался торопить наши отношения, а я ему была за это заочно благодарна — сама еще не убедилась в том, что поступаю верно.

От группового «выпаса» в ночной клуб я Сережу даже не пыталась отговорить. Он радовался, как малый ребенок. Там вообще создавалось полное ощущение его присутствия — он смеялся со всеми, танцевал. Ну и пусть, что видела это только я. Правда, подвыпившая Танюха в женском туалете решила составить со мной серьезный разговор:

— Вы же с Артемом встречаетесь?

— Ну... вроде как... — я сама не была уверена, что у наших отношений появилось терминологическое определение.

— Со стороны и не скажешь! — Таня дышала мне в ухо, чтобы посторонние не могли такие важные вещи подслушать. — И дело не в нем. Ты какая-то сама по себе — сидишь, улыбаешься, но на него ноль внимания. Парни такое не терпят.

Она ошибалась — это он не спешит сокращать между нами дистанцию. Такие серьезные люди, как Артем, не кидаются сразу из одних отношений в другие. Вот и все. Я пообещала надзирательнице, что уделю Артему все свое внимание, а сама нагло отправилась за столик, чтобы передохнуть.

Сережа положил мне на плечо руку, которая в него же и погрузилась.

— Вот тот парнишка наркоту толкает, между прочим, — он указал пальцем на какого-то задрота в стороне.

— И что? Пойдем его убивать? — полюбопытствовала я. — Неси кирпич.

Он дунул мне в шею, заставив рассмеяться от щекотки.

— Нет. Но давай хотя бы ментов вызовем... А то скучно немного без борьбы с преступностью.

Я еще раз посмотрела на задрота и огласила вердикт присяжных:

— Невиновен! Пусть толкает, короче... Ты что-то быстро заскучал! Идем потанцуем? Вон наши!

Он демонстративно вздохнул:

— Иди танцуй. А я чего-нибудь придумаю...

Пришлось притормозить, чтобы послушать продолжение — этот же как че придумает! Но оказалось, что ничего особо страшного:

— Хочется чего-то... физического. Целоваться, наверное.

Я смилостивилась:

— Вселяйся в меня — должно получиться, я же выпила. И пойдём к Артему — будем целоваться!

— С Артемом?! — он возмутился сначала, но сразу сбавил тон. — Заманчиво, но я пока не готов целоваться с Артемом.

Я только рукой на прощание махнула.

Когда к нашей компании подтанцевала сногсшибательная брюнетка, которую я не могла не узнать по хитрющим глазам, то просто сложились пополам от хохота. Ее почти сразу перехватил за талию какой-то мужчина:

— Катерина! Я думал, ты уснула. Ты куда?

— Подружку встретила! — ответил ему Сережа. — Сейчас вернусь!

Мужчина проводил ее взглядом, видимо, недоумевая, как она так быстро протрезвела, но отпустил ко мне.

— Да не смейся ты! — он призвал меня к порядку, хоть и сам заливался звонким девичьим голосом. — Никого тут больше в отрубе нет. Да и эта, вроде бы, скоро очнется.

— Ну привет, подружка! — я кое-как смогла это произнести сквозь слезы.

— Здарова! Давно не виделись, как делишки? — он, не стесняясь, завилял шикарными бедрами, протягивая в нос: — Давай зажжем это место, сученька!

Девушка была старше нас, но настолько впечатляющей, что наши парни дружно поджали хвосты и наострили уши. К сожалению или к счастью для них, девушка держалась поближе ко мне, игнорируя остальных. Эх, не повезло сегодня Сереже — ни один парень в целом ночном клубе не удосужился нажраться до такой степени, как эта Катерина. Но он отрывался и так — хотя бы натанцуется. Я потянулась к его уху:

— Раз ты чувствуешь все, что чувствует тело, то почему ты не пьян?

— Кто сказал? — он округлил глаза, а потом начал прыгать, подняв руки вверх. Я смотрю, он уже и к каблукам-шпилькам адаптировался — ну не молодец ли?

Через некоторое время снова склонил ко мне голову:

— Ладно, пойду я, пока она не проснулась, — прозвучало немного грустно.

Он улыбнулся напоследок и направился к столику, где Катерина снова неожиданно для всех вырубится. Вот что за несправедливость! Я кинулась за ним сквозь толпу и успела схватить за руку, разворачивая к себе. Человек всего лишь хотел минутку жизни — какая мелочь! Такой пустяк, как лепешкой об асфальт — не повод, чтобы ставить на себе крест! Или это как раз повод? Но для Сережи я сделаю все, что в моих слегка нетрезвых силах. Я притянула его за шею и чмокнула в пухлые губы — получи хоть что-то, мой скучающий по прикосновениям засранец. Засмеялась от собственной проделки, а он посмотрел почему-то очень серьезно, пристально, а потом сказал:

— Спасибо, Маш, — после этого мелькнула беглая улыбка, словно он поймал себя на излишней серьезности и быстро решил от нее избавиться. — Ты от кого такой крутости понахваталась?

Повернувшись, я столкнулась с Артемом. Он недоуменно проводил брюнетку взглядом, наверное, пытаясь объяснить себе, с чего это я вдруг принялась с девушками целоваться. А я не целовала девушку — даже мысли такой не возникло! Но мне почему-то ничего не

хотелось объяснить, поэтому улыбнулась широко и просто пожала плечами. Пусть думает, что хочет.

Я особо не задумывалась о том, почему теперь Сережа не сгорает от желания обсуждать Артема. Не задумывалась — хотя стоило бы! Возможно, этим я бы смогла не допустить конфликт между нами. Любая ссора происходит оттого, что люди долго молчат и мало понимают, и потому за пять минут выливают друг на друга то, что не собирались.

Мы медленно шли по темной улице, возвращаясь из магазина по уже устоявшейся привычке. Меня теперь темнота совсем не беспокоила, да и чем ближе к зиме, тем короче день — так что и выбор не богат. Сережа рассказывал о ролевых играх, которые почти каждый день устраивает одна парочка, живущая двумя кварталами дальше. Отсмеявшись, я строго заметила, что он ведет себя аморально со своими подглядываниями. А уж про пользование чужими телами — это вообще уже за гранью добра и зла. Он оправдываться не спешил. Нас обоих отвлек женский крик.

— Пстой тут, я сейчас, — Сережа переключился в режим супермена и скрылся в подворотне.

Я поставила сумку на землю, прислушиваясь к звукам, но ничего особо интересно расслышать не могла — только какие-то возгласы: сначала женский, потом мужской. Буквально через пару минут на свет выбежала девушка, а когда Сережа вынырнул из нее — внезапно остановилась, огляделась, недоуменно посмотрела на свою руку и снова рванула бежать, время от времени озираясь, будто боялась, что ее кто-то начнет преследовать.

— Ого, — я подняла сумки, улыбаясь ему. — Да ты просто супер-помощник несчастным девицам!

— Точно! — горделиво согласился он. — Люди в шоковом состоянии иногда меня в себя запускают без проблем, а потом удивляются, наверное, откуда у них силы берутся... Там чувак перепил малость и просто был агрессивно настроен познакомиться — вряд ли он ей что-то серьезное бы сделал... Она больше перепугалась. Но разбитый нос в воспитательных целях — это никогда не лишнее.

Я спонтанно оглянулась — не пойдет ли тот теперь следом за мной, но никого не было. Хотя я и не особо переживала — я-то девочка небезобидная, не то, что та перепуганная мадемуазелька.

— И часто ты этим занимаешься, мой герой? — я улыбалась ему с искренним восхищением.

— Не часто! — он как-то обреченно выдохнул. — У нас вообще район какой-то спокойный. К сожалению.

Я только рассмеялась. Возле моего подъезда топталась фигура, которую мы, конечно, разглядели издали и переглянулись. Возможно, Артем и звонил, чтобы предупредить о визите, да вот только я телефон в квартире оставила. Общение с ним в последние дни было каким-то напряженным — будто что-то мешало разговаривать о чем-то, кроме учебы и текущих дел, но меня это не сильно беспокоило.

— Сереж, ты иди кого-нибудь еще поспасай, прошу тебя. Мне с ним непросто общаться в твоём присутствии.

Призрак угукнул и растворился во мраке, где ему и место.

Артем обрадовался, увидев меня. Вместо приветствия, извинился, что явился без

приглашения, и позвал пройтись. Но я уже нагулялась с Сережей к тому моменту, поэтому потащила парня в квартиру. Благодаря кое-кому, мое жилье теперь всегда могло принять незваного гостя — по крайней мере, нижнее белье уж точно на диване не валяется.

Мы долго то ли отогревались, то ли соображали, с чего начать разговор. Но Артем сюда пришел по причине, которую через некоторое время и озвучил:

— Маш, — я села на диван, чтобы быть ближе к нему, — я хотел с тобой поговорить...

Я не перебивала, уже понимая, что ему и так непросто высказать какие-то назревшие свои мысли.

— Понимаешь, Маш... С меня на всю оставшуюся жизнь хватило пустых отношений... Я про Свету. И поэтому я решил, что лучше спрошу тебя прямо. Ну... чтобы... В общем, если ты думаешь, что у нас с тобой может что-то получиться, то я бы попытался... Но если ты просто играешь — а у меня отчего-то есть такое подозрение — то так и скажи. Не знаю, имею ли я право задавать такие вопросы, но...

Имеет. Безусловно. Возможно, Артем и обратил на меня внимание именно потому, что я не произвожу впечатление фривольной красотки — полная противоположность его бывшей девушки. И только что я получила дополнительное доказательство, что он в меня не влюблен — когда люди охвачены страстью, они не способны мыслить настолько рационально. И даже это мне понравилось. Достаточно спокоен, уверен в себе настолько, что не побоялся озвучить сомнения, вызванные моим странным поведением, чтобы не мучить попусту ни себя, ни меня. Ни капли инфантильности и самолюбования, чего в переизбытке у его лучшего друга. Только прямота, честность и взрослые решения. Именно за таких и надо выходить замуж, им рожать детей и никогда не задумываться об измене!

Этот его поступок, этот смущенный вид и подтолкнул меня к решению. Правда, я не знала, как ответить: «Я не люблю тебя и уж точно не сгораю от страсти... пока! Но я хочу серьезных отношений с тобой», поэтому решила ничего не говорить. Сама потянулась к нему, обхватила руками шею и поцеловала. Артем тут же перехватил инициативу и обнял меня.

Он целовал страстно — все больше и больше разгораясь, все сильнее прижимая к себе. Но я никак не могла заразиться от него этим волнением. Но не остановила, когда его рука скользнула под блузку и блуждала уже по коже спины. Наверное, на этом моменте следует притормозить — он поймет! Я оторвалась от его губ, но движение в стороне заставило буквально подскочить на месте.

Сережа стоял рядом, сложив руки на груди, и изображал из себя эксперта-ученого, который с умным видом исследует процесс спаривания у подопытных животных. Заметив мою реакцию, сказал громко:

— Да вы трахайтесь, трахайтесь, дети мои, не стесняйтесь! Ну, что ты вылупилась на меня, Маш? Ла-а-адно, пойду чайник щелкну.

Артем, конечно, мою неожиданную реакцию не смог бы проигнорировать:

— Прости... Я слишком спешу...

Я была готова провалиться сквозь землю, не зная, как вести себя в настолько неловкой ситуации. Ответила смущенно: «Да, наверное...», но он только рассмеялся тихо и просто обнял меня — должно быть, мое поведение отнес на счет излишнего форсирования событий, но не увидел причины, из-за которой следует расстраиваться. А мне не терпелось выпроводить его из квартиры, потому что внутри назревал скандал. К счастью, Артем был слишком воспитан и не заставил долго ждать.

Едва я захлопнула дверь, повернулась к ухмыляющейся рожке:

— Как это понимать, Севостьянов?! — меня аж трясло. — Ты же хотел, чтобы мы с Артемом были вместе! Почему теперь мешаешь?

Он завалился на диван, делая вид, что не понимает причину моей злости:

— Раньше хотел. А теперь думаю, что вы друг другу не подходите!

— Да неужели?! — я даже не заботилась о том, чтобы сбавить тон. — И кто из нас кого не достоин, по-твоему?

Он наконец-то хотя бы улыбаться перестал:

— Да при чем тут «не достоин»? Просто не подходите!

— Ну уж нет! Говори честно — ты считаешь, что я недостаточно хороша для твоего лучшего друга? Или что?!

Сережа легко поднялся на ноги и подплыл ко мне:

— Дело не в этом! Просто... не подходите.

Меня разбирал смех от такой наглости, но раздражение пересилило, выдавая смутные мысли последних дней:

— А знаешь, что думаю я? Ты просто считаешь меня своей собственностью, поэтому не хочешь меня кому-то отдавать! Да-да, не смейся, почти как ревность! Как может получить мое внимание Артем или кто-то еще — ведь я же обязана обслуживать только тебя!

Он презрительно скривился, развернулся и отправился на кухню. Я кинулась вслед, пытаюсь объяснить лучше, а не просто обидеть:

— Сережа! Так нельзя, понимаешь? Я не твоя собственность, и я, как видишь, пока еще живой человек, так что не хорони меня рядом с собой! Я все равно буду твоим другом, даже если у меня появится парень!

Призрак резко развернулся:

— Другом? Да какой ты мне друг? Артем — мой друг, тебе такое статусное повышение не светит!

Я опешила:

— А кто я тогда?

— Не друг! — теперь он тоже говорил все громче и громче. — Бывшая одноклассница, знакомая, соседка по квартире, центр вселенной — да кто угодно! Я и при жизни ни разу во френдзоне не был — не мое это!

— Френдзоне? — я чуть воздухом не подавилась. — Какой еще френдзоне?! Сереженька, чувствуешь, мертвечинкой несет? Так у меня для тебя плохие новости! Ты теперь навечно во френдзоне — и это в лучшем случае!

— А я тебе в любовники и не набивался, дура! У тебя что, средних вариантов не бывает?!

— Катись-ка ты отсюда, недруг! И чтоб я больше духа твоего тут не видела!

— Да пошла ты! Идиотка истеричная!

К моему удивлению, он все же последовал моей вежливой просьбе и растворился прямо в кухонном окне. А я еще долго не могла успокоиться — нет, ну это надо же! Я отнеслась к его ситуации с пониманием, впустила его в свою жизнь, чтобы он теперь вышвыривал из моей жизни всех остальных? Я даже ни на секунду не усомнилась, что дело не в Артеме — Сережа без боя мое внимание не отдал бы никому! Тупой, избалованный собственник! О, он прав только в одном — он и при жизни был таким же мерзавцем, с чего вдруг сейчас начать стесняться? Пусть валит ко всем чертям — подглядывает за ролевыми играми, спасает

девиц, супергерой хренов... Да и не может быть такого, чтоб я оказалась единственным гребаным медиумом в городе! Просто он и не искал, потому что твердо был уверен, что мою жизнь подмял под свои интересы.

Это была первая ночь, когда он не вернулся. Немного непривычно, но ничего. На следующий день я с огромным удовольствием посидела с Артемом в кафе, но домой почему-то уже бежала. Нет этого придурка — ну и правильно! Еще через день я с облегчением решила, что у меня наконец-то снова начинается нормальная жизнь. Пашка на заявление: «Он исчез куда-то» — чуть не расплакался. Его грусть поселилась и во мне — как зараза какая-то, вирусная инфекция.

На третий день я запаниковала. Не пошла в институт, а весь день ездила на троллейбусе по всему городу — если он вышел из своего радиуса, то сможет найти дорогу обратно, когда я окажусь поблизости. Это только если он из черты города не вышел! Ведь говорил же, что в тумане вообще ориентироваться не может... Нет, он не может быть таким кретином! Когда Артем позвонил, беспокоясь, не заболела ли я, то я нервно ответила: «Нет! Да! Потом!» и отключила телефон. Мне совершенно не хотелось думать об Артеме, потому что в голове просто не оставалось для него места.

Заглянула и к Зинаиде Ивановне — она поразила меня чем-то неуловимым. Нет, в цветущую и пышущую здоровьем женщину она не обратилась, но какой-то огонек в глазах начал загораться — ее тупой сыночек был красив как раз этим огоньком в большей степени, чем телом или лицом. Бульба немного подрос и встречал меня веселым лаем. Зинаида Ивановна терла его за ухом и рассказывала, что на прошлой неделе вернулась на работу, да вот только псина теперь целый день скучает в одиночестве. Возможно, не все идеи ее идиотского сыночка были идиотскими. Она зачем-то попросила, чтоб я заглядывала иногда... ну, только если рядом окажусь, и если меня не сильно затруднит, конечно. А я кое-как удержалась, чтобы не попросить ее показать фотоальбом с детскими фотографиями.

В общем, чем дальше — тем хуже. Я сама выгнала его, но ведь не думала, что он послушается! Он же ни разу меня не слушался! Часами листала объявления разных гадалок, предсказателей и экстрасенсов — конечно, многие из них шарлатаны, но кто-то может обладать настоящим даром. Нет, я не хотела обратиться к ним за помощью, я думала о том, что любой из них мог уже дать приют беспризорному призраку — и даже поинтереснее, чем могла предложить я. С кем-то из них он сейчас может смотреть вечерами фильмы, с кем-то из них — гулять по холодным улицам. Возможно, что они ему даже занятие какое-нибудь призрачное придумали... чтобы продолжать заниматься своим шарлатанством.

Естественно, я анализировала наш последний разговор, но так ни к какому конкретному выводу и не пришла. Может ли быть такое, что у него возникла... симпатия ко мне? Может ли быть такое, что у меня возникла симпатия к нему? Не-е-ет. Просто мне скучно без него! На улице стало слишком холодно, чтобы подолгу гулять в парке, вечерами — слишком темно, чтобы медленно идти с магазина, сериалы — слишком неинтересные, когда никто рядом с пеной у рта не защищает интересы бедненького Тириона Ланнистера.

В четверг я прямо сказала Артему, что у нас ничего не получится — это было честно по отношению к нему. Он был, скорее, озадачен, чем расстроен — и к счастью, не стал уточнять причину. Потому что никакой причины, кроме так и не начавших трястись коленок, у меня не было. А к четвергу я была уже полностью уверена, что от Артема они уже не затрясутся.

К концу недели я смирилась, что он уже никогда не вернется, но все равно продолжала

ждать — потому что в голове не укладывалась мысль о том, что Сережа Севостьянов перестал существовать. А раз так, то мы еще встретимся!

Проснулась, почувствовав его присутствие. Вот именно так — за секунду до пробуждения я просто знала, что он тут. И правда — улыбающийся Сережа сидел на полу рядом с моей кроватью.

— Ну и где ты шляется? — спросила, даже не удосужившись сесть.

— Трахался! Оказалось, что повсюду достаточно ситуаций...

— Врешь, — я была уверена. — Ты был в тумане.

— Откуда ты знаешь? — он перестал смеяться.

— От тебя пахнет... туманом.

— Разве от меня чем-то пахнет? — он лег рядом, чтобы его лицо было совсем близко.

— Нет... не знаю, как объяснить, — я не выдержала и погладила плотный воздух перед собой, хоть он этого и не мог почувствовать. — Надо Пашке позвонить — он будет очень рад.

Сережа смотрел мне в глаза:

— Три часа ночи! Давай завтра позвоним, а то он прямо сейчас примчится на крыльях ночи! Задолбает обниматься!

Я придвинулась ближе, чтобы часть его неизвестной науке материи оказалась во мне — точно, ведь именно так я и высыпалась раньше. Знаю наверняка, когда я усну, он совсем в меня погрузится — его лучший способ отдыха, почти дремота, как он сам и говорил. Или потащит в стрип-бар. Зевнула.

— Ладно. Что ты искал в тумане? — я закрыла глаза.

— Дверь, свет или чего там все находят.

— Нашел?

— Я же здесь.

— Кстати, я с Артемом рассталась... ну, если мы вообще встречались.

— Ну и дура. Такого парня упустила. Кого мы еще тебе найдем с такими-то сись...

Я только тихо рассмеялась. Пусть уже даст поспать, ведь теперь наступил полный порядок. Он тут. Не друг, не враг, не любовник, не посторонний, а черт знает что.

Вот это мы попали так попали... Да нет, сначала было весело. Мы с Сережей ехали на троллейбусе от моих родителей, когда впервые заметили того пацана. Вернее сказать, Сережа заметил, а я не дала тому подрезать сумку у бабки. Просто будто случайно прошла мимо и пихнула обоих, из-за чего советская женщина стальной закалки сразу сосредоточилась и была готова к любым боевым действиям — у пацана хватило ума не воевать за этот Сталинград.

Я села впереди, но Сережа, естественно, мог спокойно продолжать наблюдать за воришкой, у которого оптимизма было явно больше, чем чувства самосохранения. И каково же было его удивление, когда уже практически его кровно заработанный кошелек выскользнул из-за пазухи и медленно приземлился на пол, а я окликнула ничего не подозревающую жертву: «Мужчина! Это не вы потеряли?». Мужчина долго благодарил, а пацан больше не рыпался, но и глаз с меня не сводил. Когда он вышел, последовали за ним — и за ним же сели в следующий. Кататься — так кататься! Парень смотрел на меня уже с настоящей ненавистью. В итоге он вышел на конечной, ну и мы — по инерции.

— Чего тебе? — парнишка был явно не робкого десятка, раз смог спокойно остановиться и встретить меня хмурым взглядом.

Лет тринадцать-четырнадцать, не больше. Просто ребенок, хоть и преступник — и что с таким прикажете делать? Но вроде как и мимо пройти — не в нашем с Сережей духе.

— Слышь, пацан, — я начала уверенно, а в карманах получилось даже распальцовку изобразить, что каким-то невероятным образом отразилось на моей интонации. — Я на тебя ментов наведу, понял?

Мальчишку моя интонация не впечатлила:

— Уже б навела, если б хотела, кобыла, — он сплюнул. — Ну давай же, тетенька, расскажи мне про колонию, про моральки ваши... не стесняйся.

Сережа только руками развел — сейчас уже, действительно, было поздно заявлять на него в полицию, раз мы даже украсть ему ничего не дали... Да и ребенок же, хоть и преступник. Такого даже бить бесполезно — не запугаешь. Поскольку Сережа так ничего резонного и не предложил, я просто решила закончить этот разговор миром:

— Так я завтречко за тобой послежу. И если снова рыпнешься — полиция уже тут как тут, понял?

— Угу, понял, — пацан даже отмахиваться поленился. Просто развернулся и пошел в сторону барачков.

Я постояла еще немного, глядя ему в спину и убеждая себя, что больше ничего не могу сделать, да тоже решила убраться восвояси. Понятно же, что ребенок из неблагополучной семьи, среда обитания у него такая... что на пальцах простые нормы поведения не объяснишь. Даже и не заметила, как далеко ушла за этим мальчишкой. Зачем? Воззвать к совести? Смешно. Наверное, постоянное присутствие рядом Сережи вселяло в меня неоправданное бесстрашие. Назад шла медленно, обдумывая ситуацию, как вдруг Сережа меня предупредил: «Сзади... их много!». Я даже обернуться не успела, как услышала приближающийся шум, ну а визуальные подтверждения меня привели в панику — по направлению ко мне неслась целая толпа, включая моего недавнего знакомого. Некоторые

из них были постарше, но вряд ли кто-то вышел из школьного возраста. Я уже мчалась от них во всю прыть, одним взглядом успев подсчитать, что их там человек пятнадцать, а может, и больше. И вряд ли они бегут за мной для того, чтобы поинтересоваться моими делами.

На остановке ни одного человека — конечная, да и поздно уже. Куда дальше? Сережа, конечно, мог бы справиться с частью из них, если мне удастся его впустить в себя, но вряд ли со всеми, чтоб мое милое тельце при этом не пострадало. К радости, приближался троллейбус, и я в нетерпении затопталась на месте. Они уже почти настигли меня, когда дверь лениво открылась. Я влетела внутрь, а удивленная кондукторша наблюдала, как за мной сначала ринулась толпа, но тут же отхлынула той же монолитной волной. В троллейбус вошли только двое — парни лет по семнадцать. Может, и не особо опрятно одетые, но мирно усевшиеся на места. Проезд тут же оплатили — ничего подозрительного. Хоть их появление и было шумным, но теперь орать на весь общественный транспорт: «Помогите, хулиганы зрения лишают!» было бы глупо. Я не сводила с них глаз, а один из них — с мерзкой рожей — мне даже самодовольно подмигнул.

Сережа сказал то, о чем я уже и сама успела подумать:

— Этих двоих ты и сама раскидаешь, но вряд ли они тебе сейчас что-то сделают. Скорее всего, пропасут до дома, а завтра-послезавтра жди какого-нибудь сюрприза. Кто знает, что им пацан тот сказал — а может просто, заняться им нечем.

Я достала телефон:

— Пап, встретить меня, пожалуйста! — произнесла громко, чтобы меня расслышали и на другом конце троллейбуса, но те просто ухмыльнулись. Потом заговорила тише: — Что я им сделала вообще?

— Вмешалась, — Сережа пожал плечами. — Разозлила. Лишила прибыли. Да откуда мне знать?

— И что теперь? Они же пойдут за мной! Мне совсем не хочется, чтобы они выяснили, где я живу!

Сережа задумался, хоть и не выглядел испуганным. Я не имела понятия, на что настроены эти детишки, но что они вполне способны на простое ограбление — факт. А может, что и похуже задумали. Я могла бы просто позвонить в полицию — но что я скажу? Я даже не знала толком, где эти малолетки дислоцируются и делали ли что-то, пострашнее воровства в троллейбусах. В этих двоих я была уверена — делали. Не просто же так и уж слишком спокойно они последовали за мной, будто не впервые в такой ситуации. Может, просто потребуют компенсацию за неудачный день их «коллеги»? К тому же я уже выдала им свой страх — теперь строить из себя крутую цацу поздновато.

Что мне может сделать гопка отмороженных подростков, если узнает, где я живу? А если узнает, что я живу одна? Да и так, просто на улице завтра подкараулят... Если призадуматься, да что угодно. Это ж дети! Неограниченная фантазия и полное отсутствие страха. Сережа хотя бы не стал меня подкалывать из-за этой паники:

— Ладно, Маш, успокойся. На своей не выходи. Звони Артему, — он прервал мое нелепое «зачем?», просто отдавал команды. Я была напугана в достаточной степени, чтобы безропотно их исполнять.

— Маша? Чем обязан?

— Артем, у меня тут проблема возникла, — я повторяла дословно все, что говорил мне Сережа. Артем почти сразу сосредоточился и просто слушал: — Я в троллейбусе. За мной увязались двое, но пока ничего не сделали. Надо, чтобы сделали. Понимаешь?

— Понимаю, — отреагировал Артем после паузы, но каким-то уже другим голосом. — Через сколько будешь на моей остановке?

Я растерялась сначала, но Сережа подсказал, что выходить там же, где живет его мать — могла бы и сама догадаться. Видимо, все же слишком перенервничала.

— Минут... двадцать. Я наберу еще раз, когда буду совсем рядом.

— Танго с ментами? — вопрос Артема мне показался странным.

— Оно самое, — передала я ему Сережин ответ.

— Ясно. Вырулим.

Перед выходом я по приказу Сережи сама подошла к пацанам и протянула кошелек.

— Откупиться решила? — хихикнул тот, что из двоих был более противным. Он тут же без стеснения раскрыл и скривился: — Соткой с мелочью?

Я не стала отвечать. Остановка для такого позднего времени была слишком оживленной — несколько парней и даже пара девчонок. Преследователи вышли из троллейбуса за мной — на мой вкус, им стоило удовлетвориться соткой с мелочью. Глупые отморозки дышали мне в спину, но им наперерез бросился Артем. Даже я не поняла, чего он хотел добиться, а один из пацанов просто от неожиданности его оттолкнул. Артем тут же упал на землю, будто тот его ударил, а еще двое парней со стороны подлетели и перехватили пацанов, не давая им сбежать. Очень кстати всего через минуту подъехала полиция. И выяснила, что два несовершеннолетних не только на глазах у кучи свидетелей устроили драку, но и ограбили меня — вот, смотрите, это же мой любимый кошелечек! Совсем уже шпана обнаглела, даже не шкерится!

В участке мы просидели полночи. Я там уже убедилась, что не зря такую бучу заварила — у одного еще и нож обнаружился. Так что этим двоим в ближайшее время точно не до какой-то там «тетеньки» — колония уже приветственно подмигивает. С утра в указанное мною место полиция едет уже со службой социальной защиты — разберутся, что к чему.

Несмотря на усталость, я была собой довольна. Если первому мальчишке нет еще четырнадцати, то ему ничего не грозит, но зато, возможно, задумается о будущем, когда на попадос старших приятелей посмотрит. А если не задумается — что ж поделать, для него я сделала все, что могла. Ну еще и соцзащита завтра подсобит.

Артем, конечно, и не думал отпускать меня одну — пошел провожать. У него на щеке адела ссадина — и точно не от кулака одного из «напавших», ведь тот даже не ударил его. Скорее всего, для полной процедуры он заранее подготовился — два обвинения всегда лучше, чем одно.

Мы долго шли молча. Я не знала, как отблагодарить, а на мое «спасибо» он вообще ничего не ответил. Но через длительное время все же заговорил — и совсем не о том, что я хотела бы обсуждать:

— Так и насколько близко ты с Серегой общалась?

Я не поняла вопроса, поэтому промолчала. Призрак рядом зачем-то хохотнул. Артем продолжил сам:

— Это ж его схема... Да ладно бы просто схема — ты же говорила его словами! Мы очень похожую ситуацию провернули, когда одного из наших какие-то бандюганы выцепили — только угрожали, но доказать было невозможно. «Пока ничего не сделали. Надо, чтобы сделали»...

Я замерла. Артем тоже остановился рядом, вглядываясь в мое лицо. Сережа действительно не нашел иного способа вытащить сегодня меня из проблем, кроме как так

подставить?

— Я... общалась с ним... близко, — даже я бы не поверила такому голосу. А уж Артем нахмурился еще сильнее. — Ты не поверишь, если я расскажу!

Сама смотрела на своего недруга — он мешкал. Похоже, тоже не знал, в какую сторону рулить. А потом коротко кивнул, словно давая мне разрешение. Я вздохнула — видимо, сегодня спать мне не придется вообще.

— Пошли, Артем, в квартиру. Мне есть что тебе рассказать.

Он, в отличие от Пашки, в восторг не впал. Сначала недоверчиво качал головой, потом слушал мои рассказы о том, чего я знать просто не могла, а потом зажал голову руками и долго так сидел. Перед уходом сказал, что ему нужно все переварить, что он пока не готов... ни к чему.

Он пропустил два дня в институте, но наконец-то созрел. Явился ко мне уже поздно ночью, без звонка — уставший и какой-то осунувшийся.

— Я даже поговорить об этом ни с кем не могу...

— Заходи, Артем.

Конечно, он поверил — мы просто не оставили ему другого выбора. Он часто переспрашивал, где сейчас находится Сережа, а я отвечала. Артем явно стеснялся своих слез, но я не могла тактично оставить их наедине, потому что являлась единственным связующим звеном. В конце разговор даже перестал быть таким тягостным, хоть это и до сих пор не походило на встречу старых друзей, и какая-то жуткая неловкость висела в воздухе. Но Артем принял. Артем теперь будет заходить сюда не ко мне. Артем изумлен, как мы вдвоем уживаемся. В итоге он даже смеялся. Не знаю, правильно ли мы поступили, убрав один камень с его души, но положив туда другой. Договорились, что с матерью этот аттракцион повторять не станем — она учится жить по-новому, так и пусть живет.

— Там снег пошел, — сказал Сережа, который проводил Артема до самой границы с туманом, хоть тот об этом даже не догадывался. — Пойдем гулять?

— Сереж, мне грустно как-то... Какой гулять? Да и четвертый час утра!

— Там снег пошел! — он возвестил это другим тоном, будто от этого мой ответ должен был измениться.

После долгих уговоров я согласилась собраться и выйти на улицу — все равно же не отстанет. А тоску надо как-то развеять. И правда — первый снег в этом году! Да такими хлопьями! Уже завтра, наверное, все растает, а пока город спит, не подозревая, что совсем ненадолго небо укутывает его в одеяло.

Во дворе ни души, а от снега как-то светло. Сердце забилось проще, будто отпуская что-то ненужное. Сережа подошел сзади, и я почувствовала, что в моем теле уже не только я. Но твердое сознание не давало ему возможности управляться со мной, как ему вздумается.

— Чего ты хочешь? — спросила я.

— Покружиться! — ответил так, словно это было очевидно.

Я раскинула руки и подняла лицо вверх, подставляя снежинкам. Переступая с ноги на ногу по кругу и теряя связь с пространством, я забывала обо всем. И мне было плевать, как я — одна кружащаяся под падающим снегом — выгляжу со стороны. Потому что я не была одна. Никто в мире, наверное, не был настолько близок, как мы вдвоем в этот момент — два сознания в одном теле. И кажется, больше ничего не нужно.

Странно, что законы физики продолжали действовать — когда голова слегка закружилась, я оступилась и упала. Так и продолжая лежать, укрываемая снегом, спросила в

небо:

— Доволен?

— Да-а, — его голос не был моим, он так и не смог полностью слиться с моим сознанием. Мы просто находились в одних пространственных координатах — не больше.

— Чего еще ты хочешь, неугомонный?

— А ты? — кажется, он улыбался.

— Спать... наверное, — это первое, что пришло мне в голову, хотя сонливости не было ни в одном глазу.

— А я хочу быть живым.

— Невозможно.

— Тогда... хочу тебя поцеловать. Маш... Кажется, это главная причина, почему я так сильно хочу быть живым.

— Невозможно.

Даже и не знаю, почему я не удивилась его озвученному желанию. Наверное, знала это давным-давно. Не думала об этом, потому что об этом даже думать странно, но чувствовала. Сережа никогда мне не был другом, и никогда не будет. Когда-то... может быть, одну или две тысячи лет назад, когда я только увидела его, он мне сразу понравился. И это быстро прошло. Потому что в той симпатии не было ничего из того, что есть теперь — ощущение полного счастья, несмотря на все «невозможно».

Встрепенулась. С чего это я так расклеилась? Вскочила на ноги и потрясла головой, вышвыривая из себя заодно и призрачного паразита. Это снег или головокружение такую глупость навяли! Это ж... о чем я вообще сейчас думала? Спать. Спать.

==> Глава 11. Точка невозврата

В субботу надеялась отоспаться. Сережа знал о моих задряхах по выходным до полудня и теперь уже даже с ними смирился. Но ни свет ни заря — часов в одиннадцать утра — меня разбудил громкий хохот. Так, это голос Пашки — кто бы сомневался, что этот примчится еще до петухов? А второй кто? При всем богатстве выбора — ну, естественно, Артем. И когда это моя квартирка превратилась в проходной двор? Мне теперь что, кормить всю толпу? Там только один из мужланов не требует хавчика — вот пусть только он и остается!

Поворочалась еще несколько минут, но решила, что пора вставать — все равно ж уснуть не дадут. Нам с Сережей необходимо уже снимать отдельные квартиры, раз я хочу заполучить и свою долю свободного пространства! Привела себя в порядок, вышла из комнаты, но на мое появление никто не отреагировал. Они играли в преферанс — правда, у Сережи карты часто выпадали из рук, что вызывало всплески эйфорического Пашкиного восторга. На столе стоял мой ноутбук — они уже давно приспособились так общаться, ведь Сережа без труда мог напечатать, что хотел сказать. С Артемом в институте он набирал прямо на телефоне, и они иногда так ухахатывались, что и про меня забывали. Кажется, я даже начала понимать природу Сережиной ревности, когда поймала себя на скрежете зубовном от одного вида отнимающего его внимание Артема. Мой призрак! Мой! Но я осознанно утихомиривала в себе эту глупую злость — парни всего лишь играют в карты! Сама игра их не особо забавляла, но они наслаждались ситуацией. Артем уже давно перестал выглядеть подавленным, не стесняясь отвешивая шуточки — надо заметить, далеко не всегда цензурные. Пора уже и ему дубликат ключей делать... Хотя зачем? Ему-то всегда тут дверь откроют.

Я не стала их отвлекать. Человеческий облик я могла принять только после завтрака, чем и занялась. Так скоро и лишней себя начну чувствовать.

— Маш! Ты во сколько с Танюшкой встречаешься? — окликнул Сережа, когда я пыталась снова незамеченной юркнуть в комнату.

— В пять. Полно еще времени!

— Чего в пять? — Пашка словно только что понял, что и я тут живу.

Пришлось кратко объяснить, что мы сегодня с Танюхой идем на вечеринку. Это и тяжкая ноша, и море возможностей для каждой девчонки — учиться в железнодорожном. В большинстве групп ощущалась жесткая нехватка женского пола, поэтому нас нередко приглашали даже те, с кем мы не особо близко общались. Так вот сегодня мы отправляемся на день рождения к Никите из группы «мостовиков». Хорошие ребята — мы с ними нередко пересекались раньше, но в этот раз я сначала отказалась. И тут Сережа в очередной раз меня удивил, заявив, что я обязательно должна пойти и непременно без него. Даже пригрозил, что если я не начну жить собственной жизнью, то он найдет себе другого гребаного медиума. А уж если я не хочу целоваться с бабкой с пятого или ее соседом-алкашом, то мне лучше и парнем обзавестись — только тогда я буду в безопасности. Наверное, это его способ борьбы с собственным эгоизмом. Да и я понимала, что не должна всю свою жизнь заикливать только на нем. К тому же, алкаш с пятого уже даже не казался настолько опухшим и вонючим... Тем более, что за любой оболочкой, в которой появлялся Сережа, я, в первую очередь видела его, а не того, кому захваченное тело принадлежит... Совсем уж дурной

признак!

— Машуль, — оживился и Артем, — а ты случайно не знаешь, где снотворное достать?

— У тебя друг способен безнаказанно стащить что угодно, если сможет донести... — сначала ответила, а потом обернулась, удивленно распахивая глаза. — Зачем вам?!

Артем только усмехнулся. А Сережа изобразил «я вообще ни при делах», задрав невинный взор ввысь. Я шагнула ближе:

— Эй, вы, оба два! Зачем вам снотворное? Кого усыплять собрались?

У Сережи из рук снова выпали карты, и Артем объяснил:

— Да не волнуйся! Никакого криминала! Я для себя — честно.

Картина, в общем-то, ясна. Даже Пашка сидит, улыбается — точно уже в курсе, что они между собой обсуждали. Я покачала головой:

— И что, Артем, ты серьезно готов предложить ему пользоваться своим телом? Вот так просто?

Его явно озадачило мое возмущение:

— А что тут такого? С меня что, убудет, если я посплю лишних пару часов? Зато Серега сможет... что-нибудь поделывать в это время.

Я даже не собиралась задумываться о том, что конкретно тот может поделывать за пару часов с таким-то симпатичным телом, но Артема это очевидно не беспокоило. Лучший друг — не иначе. Тут и Пашка вставил:

— И я готов! Сереж, в любое время!

Тот мне только язык показал — вы посмотрите-ка, неплохо устроился! Умер уже давненько — и все равно быстро нашел себе группу поддержки, которая без вопросов поможет ему в чем угодно. А мы с ним так и в кино сможем сходить по-настоящему... и подержаться за руки... Так-так, где там Танюха? Мне срочно надо найти себе парня! Артема я в этом качестве уже не видела — скорее всего, это сразу было понятно, а уж теперь тем более. К счастью, это чувствовал и сам он, потому что напряжения между нами вовсе не осталось. На секунду представила Артема с Сережиным взглядом — хм... в такого Артема и влюбиться было бы немудрено. Нет-нет-нет! Мне срочно нужен парень — вообще любой сойдет!

— Ладно, — я отмахнулась. — Делайте, что хотите. Кстати, какие планы на вечер?

На этот раз соизволил ответить и сам организатор вечеринок:

— Не решили еще. Может, в клуб рванем.

— Только без Пашки! — строго вставила я — с этих двоих станется и ребенка на стриптиз потащить!

Братец запричитал обиженно:

— Почему без Пашки? Куда без Пашки? Без Пашки — никуда!

Мы с Таней купили подарок вскладчину — да студенты вообще бывают редко избалованы дорогостоящими презентами. Толпа, собравшаяся в трехкомнатной квартире, была шумной и веселой. Спиртного было больше, чем съестного — ну а чего мы ждали от дня рождения третьекурсника? Я выпила только одну рюмку — за компанию, но старалась влиться в атмосферу наравне со всеми. И это было просто, если учесть, что каждая из пяти присутствующих девчонок была окружена постоянным вниманием.

Но чем веселее становились остальные, тем сильнее меня одолевала тоска. Уже и приколы Кирилла не звучали так забавно. Кир у них — что-то типа Сергея Севостьянова у нас, если представить, что «Сергей Севостьянов» — это титул. Нет, конечно, птица другого

полета... попроще. Но заводила, яркий, юморной — сойдет для сельской местности, когда поблизости нет настоящего аса. Наверное, только он тут и спасал всех от полного затухания. Конечно, я принимала его приглашения на танцы, а Танюха уже звонко хихикала в объятиях Лешки — у них давно что-то намечается, но почему-то расцветает только на таких вот вечеринках, а потом снова увядает в атмосфере студенческих будней.

Музыка играла медленная. Кто вообще догадался на празднике такую нудную мутотень включать? Я закрыла глаза. Кир танцевал прекрасно, он вел меня так уверенно, что можно было даже не отвлекаться на окружающий мир и погрузиться в себя. А когда не видишь ничего вокруг, то эмоции почему-то усиливаются. Наверное, если бы Кирилл не было рядом, то я бы все равно продолжала танцевать, ощущая присутствие того, кого тут нет. Я сначала подсознательно, а потом осознанно ждала, что он все-таки беспардонно появится в этой квартире. Но нет, Сережа успешно боролся с собственным эгоизмом и позволял мне жить. Ведь я жива — танцую, пою, веселюсь, делаю все, что пожелаю! А у него нет даже возможности вот так кружить в танце, чувствуя прикосновение чужих рук.

— О чем задумалась? — спросил Кир.

Пришлось открыть глаза:

— Здорово тут. Но мне домой пора — родители строгие.

Мне удалось кое-как отделаться от «проводящих». Едва я вышла на улицу, сразу набрала номер Артема. Они и правда учапали в ночной клуб, с боем отправив Пашку домой. Через полчаса я уже была с ними. Странное дело, но танцы там, даже без чужого прикосновения, сразу стали интереснее, а любая музыка — классной. Наверное, со стороны мы с Артемом выглядели парочкой, хотя тот то и дело заглядывался на других девчонок, позволяя нам с Сережей веселиться.

А он будто был одновременно и рад, и не рад моему присутствию. Подробно расспросил меня о вечеринке, но словно не был доволен результатом. Он никак надеялся, что сегодня я вернусь уже с обручальным кольцом на пальце? Мне не хотелось говорить об этом, поэтому я говорила о другом:

— Слушай, а вы ведь далеко от меня разместились! Разве тут не было тумана?

— Нет! — Сережа тоже уселся рядом, хотя ему вряд ли грозила усталость от танцев. — Радиус все шире. Скоро я так по всему городу шастать начну. Правда, вот на Гавайи без тебя вряд ли смогу поехать...

Я расхохоталась.

— Да из тебя получился бы самый верный парень из всех возможных!

— Ну прям! — Сережа возмутился. — Мне не обязательно стартовать без тебя на Гавайи, чтобы...

— Ой-йей, — раздался пьяный голос. Я повернулась к парню, который едва стоял на ногах, удерживая тело в равновесии с помощью руки, цепляющийся за наш столик. — Девушка! А ты с-з-з кем разговариваешь? С воображаемым другом? — он икнул. — Н-не надо так. Н-не разговаривай с ним.

Я оживилась — как будто весь сегодняшний день только этого и ждала. Как будто всю свою жизнь только этого и ждала:

— Меня Маша зовут! Хочешь целоваться?

Парень смешно приподнял брови, как будто только этим усилием он мог удержать глаза открытыми:

— Одчен-нь хочу! — он пьяно помахал рукой в воздухе. — Только я не такой! Вот-т.

— Такой-такой! — я похлопала рядом прямо в Сережу. — Иди сюда, разберемся — такой или не такой.

Пока тот скорее по инерции заваливался на указанное место, Сережа вставил неуместно раздраженное:

— Да ладно! Ты серьезно? Может, хотя бы Артема используем — ты с ним уже целовалась, и он тебе хотя бы не противен...

Я не стала ему отвечать.

Парень оставался в сознании, но я вскрикнула от радости, когда в его глазах мелькнул знакомый огонек.

— Ты уверена? — парень говорил теперь трезвым голосом. Он водил пальцами по моей щеке, но не спешил. — Маш, почему?

— Ч-что я только ч-что сказал? — тут же добавил голос с другой интонацией.

— Потому что это ты, идиот! — ответила я и сама потянулась к нему.

Глаза закрылись непроизвольно, но не потому что мне требовались дополнительные усилия воли, чтобы абстрагироваться. В голове даже мысли не мелькнуло, что я целую кого-то другого. Сережа обхватил мое лицо ладонями, но целовал так мучительно медленно, словно сам боялся разрушить какую-то границу. Наш первый настоящий и, вполне возможно, последний поцелуй. В нем много накопленной страсти, скрытого желания и безысходности. Возможно, потому он и был таким тягучим, сдерживаемым. И даже от него мои коленки затряслись — вот это оно, то самое, чего не возникало у меня ни к одному другому парню. Мы оба старались держать волнение под контролем, но оно вырывалось. Сережа сам оторвался от моих губ, уткнулся в шею, обжигая не своим дыханием. Пьяный голос что-то неразборчиво бормотал, но я не слушала, прижимая его к себе, обнимая крепче. Черт возьми, почему нельзя замереть в этом мгновении навсегда?

Подошедший Артем только улыбался и качал головой. Не знаю, когда он что-то понял, но его тело я таким образом использовать бы просто не смогла. Это было бы слишком странно... Хотя странным осталось только одно — что я еще какие-то вещи могу воспринимать, как странные! Парень предпринял слабую попытку вырваться из моих объятий, но мне так не хотелось отпускать Сережу. И все-таки он собрал последнюю волю в кулак и произнес:

— Збазибо... Только я не такой! У м-меня... жена есть.

Пришлось отпустить бедного женатого парня. Надеюсь, кроме Артема, нас никто не видел — жаль, если наша пьяненькая жертва пострадает ни за что. Когда он, сильно шатаясь, ушел, Сережа остался на месте. Мы переглянулись и тут же отвели глаза. Стало как-то неловко от того, что мы вообще на такое решились. К счастью, Артем тоже от комментариев воздержался.

После этого стало сложно разговаривать, поэтому домой шли молча. И там как-то каждый разошелся по своим делам. Но едва моя голова коснулась подушки, как он тут же оказался рядом, погрузив в меня свою руку вместе с плечом.

— Маш... Разве тебе не было противно? Незнакомый мужик...

— Не знаю, Сереж. Я просто об этом не думала. Я думала не об этом.

Мы лежали долго в наших странных объятиях — доступных только нам двоим — и молчали.

— Маш, почему ты это сделала?

Мне хотелось и ответить честно, и отшутиться, и разрыдаться.

— Кажется, ты нравишься мне.

Он усмехнулся:

— Сильно отдает некрофилией.

Мне было наплевать на его сарказм:

— И кажется, я нравлюсь тебе.

— А вот этому извращению даже термин еще не придумали!

И снова замолчали, понимая, насколько глубоко мы уже в трясине.

— Маш, — в его голосе прозвучала неожиданная ехидца, — а что на счет секса?

Я пихнула его, но, конечно, безуспешно. Моя рука просто торчала теперь из его спины.

— Пошел вон!

— Ну... у меня есть несколько вариантов, как мы могли бы это повернуть...

— Вон! На диван!

Наверное, именно с этого дня все и началось. Или с этого дня мы уже просто не могли остановиться.

— Серега, поздравляю с днем рождения! — Артем сказал это в воздух, а только потом посмотрел на меня. — Маш, я хочу к тетя Зине сегодня заглянуть. Составите мне компанию?

Вместо ответа я возмутилась в другую сторону — не ту, которую Артем поздравлял:

— День рождения? И почему ты мне об этом не сказал?

— Не знал, что попросить себе в подарок, — просто ответил тот и тут же захлопал в ладоши. — Что, что ты мне подаришь, милая?

Я зло прищурилась:

— Тортик испеку!

Он перестал по-детски восторженно подпрыгивать:

— Что-то я к тортикам в последнее время равнодушен...

Зинаида Ивановна была рада нашему визиту, и кажется, ждала нас. Мы посидели у нее недолго, но без альбома с фотографиями все же не обошлось. Каким же он был хорошеньким ребенком! Я кое-как сдержалась, чтобы не попросить у его матери на память одну, где глазастый мальчуган без штанишек нацепил горшок на голову. Зинаида Ивановна пошла включить чайник, когда Артем быстро перелистнул в конец и ткнул пальцем на фотографию уже взрослого Сережи:

— Вот такая на твоём памятнике.

Тот придиричиво всмотрелся. Не знаю, что ему не понравилось, на мой вкус, он на любой был очень красивым. А уж когда посторонние видят такое лицо с подписью «1993–2015», то, наверное, у каждого сжимается сердце. Вот и напрасно сжимается, потому что он никуда не делся!

Выйдя из подъезда, мы столкнулись с шумной компанией, которая тут же налетела на Артема с приветствиями. Некоторых парней я помнила со случая на остановке.

— Вы к тетя Зине ходили? Как она? — спросила одна из девушек.

— Это Света, — объяснил мне Сережа, после чего я посмотрела внимательней на Артема.

Он был напряжен — отвечал на вопросы и вел себя заметно скованно. Света оказалась не шикарной красавицей с обложки журнала, как я ожидала — скорее, наоборот, довольно простое лицо, обрамленное мелкими кудряшками. На такую сразу внимание не обратишь, но зато, когда рассмотришь, то уже оторваться невозможно — настолько милая, улыбчивая, с живой мимикой. Любить такую — это слишком закономерно вписывалось в характер Артема, насколько я успела его узнать. Даже у меня через полминуты возникло желание ее оберегать. Жаль, что такое создание оказалось ветреной пустышкой. Хотя... с чего я сделала такой вывод? Возможно, ветренная она была только потому, что Артем — не ее человек? Такая вот банальная несудьба.

Но в данной ситуации я обязана была быть не на ее стороне, поэтому схватила Артема под руку, прижалась ближе и сказала остальным:

— Вы извините нас, ребята! У нас еще планы...

А потом отчетливо ощутила прожигающий взгляд в спину. Артем его тоже почувствовал, раз сказал:

— Спасибо, Маш... Мне трудно видеть ее.

Он вслух бы не признался, что Светина ревность принесла ему некоторое облегчение — не такой он человек, чтобы оказаться подозреваемым в подобных преступлениях. И он до сих пор не может перестать о ней думать — даже заметно побледнел. Все пройдет со временем. Все пройдет. Но сначала все окончательно пройдет — а уже потом наступит время ему начинать что-то новое.

— Твой приятель говорит, что найдет тебе кого-нибудь не с такими кривыми ногами! — я рассмеялась, дословно озвучивая текст. — Артем! Только не вздумай киснуть! — добавила уже от себя. — Ты уж точно заслуживаешь большего, чем любить кого-то, кто никогда не относился к тебе так же серьезно. Разве нет? Да весь факультет «Бухучета на жэ-дэ транспорте» на тебя слюни пускает... после того, как Севостьянов умер.

Он теперь тоже смеялся, отвлекаясь:

— Передай своему парню — я ему очень благодарен, что освободил мне арену!

Сережа тоже хохотал:

— Я и сам не глухой!

Именинник самолично составил нам программу празднований, но на кладбище ехать я снова отказалась. Чего его туда так тянет? Я никакого веселья в такой экскурсии не видела. Поэтому мы сразу перешли ко второму пункту. Решили обойти всех гадалок и ворожей — тех, на кого наших с Артемом сбережений хватит — а потом написать отзыв о них на городском портале. Очень сомневаюсь, что люди, которые обращаются к гадалкам, читают отзывы на сайте, но приключение обещало быть презабавным.

Первые двое несли полную ахинею, подробно рассказывая нам о сглазе, болезнях и о счастливом совместном будущем — это нам-то с Артемом. Если все их комментарии собрать воедино, то мы с ним, вместо светлого будущего, буквально на днях должны умереть от кучи неизлечимых болезней вкупе с несчастными случаями.

Третья удивила. Чтобы не слушать очередные медицинские выкладки под сумраком сглаза и наследственных проклятий, я задала прямой вопрос о своих романтических отношениях — мол, будет ли у меня кто-то, выйду ли я замуж и прочее. И она надолго задумалась, а потом выдала, заставив нас притихнуть:

— Твоя любовь совсем рядом — она уже в твоей жизни, но это не он, — она уверенно указала пальцем на Артема. — Кто-то... очень близкий ему. Может быть, брат... я не уверена.

По коже побежал мороз, тут даже Сережа, который до сих пор рассматривал смешные шары на полке, подплыл ближе, слушая.

— Твоя жизнь будет беспокойной, но в плане отношений — полная стабильность, так что в этом вопросе не переживай. Он уже есть, но я... ощущаю какую-то непреодолимую стену между вами... Наверное, родители против, или живет он где-то очень далеко... Хотя нет, совсем рядом. Рядом и не рядом... не знаю...

У меня отвисла челюсть. Ее соображения были неточны, но она попадала в какие-то самые важные пункты. Я бы, наверное, поверила уже во все, что угодно, если бы она не захотела — и с чего вдруг? — подробно описать его внешность:

— Старше тебя на три-четыре года, высокий, худощавый, очень светлые волосы, глаза темные... карие. Я словно вижу его рядом с тобой — и сейчас, и всегда. И дети твои будут на него похожи... Две дево...

Тут мы с Артемом едва не расхохотались, Сережа разочарованно присвистнул, а я даже выдохнула с некоторым облегчением. Из всех ее характеристик можно было принять только

«высокий» — да и то, так себе показатель, потому что парней выше меня — да почти все! Уже даже Пашка перерос. Магический мандраж тут же прошел.

Наверное, у нее и в самом деле был какой-то дар, потому что она точно не делала ставку на психологическую реакцию клиентов, продолжая говорить даже после того, как мы оба иронично заулыбались. Про эту надо написать что-то хорошее — пусть и не угадывает все, но сама однозначно верит в то, что говорит — и возможно, у нее для этого есть какие-то основания.

Впереди нас с Артемом ждали еще два родовых проклятия, три сглаза и скорая свадьба по залету. Но седьмой — юбилейный и прикончивший остатки наших денег — оказался настоящим экстрасенсом. Ему даже говорить ничего не пришлось — достаточно было вылупиться на Сережу. Мужичок с интеллигентным видом сельского учителя растерялся больше нас — очевидно, он был медиумом, но нечасто встречался нос к носу с потусторонними силами. С ним и разговор получился самым продуктивным — он не предсказывал будущее и не угадывал прошлое, просто по нашей просьбе рассказал все, что знает:

— Вряд ли это именно «дверь»... Но они куда-то уходят. После этого связаться с ними невозможно. Те, кто утверждает, что общается с духами Наполеона или Гитлера — безбожно врут. Многие остаются на несколько дней возле своих родных, но потом исчезают. Некоторые — задерживаются на столетия. Так что легенды про старые замки — не выдумка. Я в одном из таких был, чуть не умер от страха. Их нельзя изгнать, пока они сами не захотят уйти.

— Не захотят уйти? — передала я ему вопрос Сережи, но, кажется, он и сам расслышал.

— Я так думаю. Те, кто не уходит, скорее всего, просто хотят остаться — наверное, у каждого есть какая-то причина... Кстати, мстительные духи — тоже не редкость.

Я посмотрела на Сережу со страхом, вспомнив педофила. Он ушел или просто набирается сил, чтобы отомстить мне? Экстрасенс продолжал:

— Но если вы ищете... «дверь», то она может быть где-то рядом с телом или в месте, где развеян его прах.

Этот разговор загрузил всех нас, даже обсуждать не хотелось. Не потому ли Сережу так и тянет на кладбище? Там может быть его... выход или вход. Не потому ли мне так не хочется ехать на это самое кладбище, хоть убей?

Он вечером сам ответил на незаданные вопросы, словно мои мысли прочитал:

— Маш, я не хочу уходить. Я не уйду... пока сама не выгонишь. У меня есть причина, чтобы хотеть остаться.

Я кивнула, веря.

— Сереж, а почему именно я? Почему именно я стала центром твоего мира?

Он усмехнулся — наверняка хотел отшутиться:

— Кто ее разберет — эту призрачную психологию? Ты ведь помнишь тот вечер, когда в прямом смысле ухватила меня за яйца? Я не привык, чтобы девчонки так уверенно были ко мне равнодушны! И моей последней мыслью перед смертью было что-то наподобие: «Завтра же обложу эту Потапову по всем фронтам, а то ишь, ерепенится». Наверное, этой мыслью я выбрал тебя — последняя в моей жизни девчонка, которая меня заинтересовала. А ты выбрала меня, когда взяла мой телефон — ну, знаешь, такое почти не завуалированное желание поддерживать со мной связь. Так что, думаю, мы оба виноваты.

По-моему, сильно притянута за уши. С другой стороны, кто ее разберет — эту

призрачную психологию? Уточнила:

— То есть это была даже не симпатия, а просто вызов самолюбия? Вознамерился влюбить меня, чтоб поставить на место, а потом бросить?

— Скорее всего... — он улыбался — очевидно, виноватым себя не чувствовал.

— Вот же мудака... Уже начинаю думать, что есть и положительные стороны в твоей смерти!

— И даже после нее я тебя по всем фронтам обложил! — он не может вынести, если последнее слово останется не за ним. — Я всегда был человеком слова!

Я насупилась и демонстративно ушла в комнату. Он сквозь закрытую дверь вплыл за мной:

— Наверное, я бы узнал тебя лучше и уже не захотел бы бросать, — даже в голосе звучала широченная улыбка.

Мне теперь в каждой его фразе мерещится признание в чем-то очень серьезном?

— Поможешь с начерталкой? Через два дня надо сдать.

На следующий день он не пошел со мной в институт, заявив, что хочет поваляться на диване, укутавшись в пледик за чашкой какао. Сразу понятно, что-то задумал. Поэтому когда Артем предложил после пар составить мне компанию — я с радостью согласилась.

Когда в подъезде мы почувствовали подозрительный запах, то на мой этаж рванули уже бегом.

— Сестра? Артем, привет! — крикнул выглянувший с кухни Пашка. — Быстрее сюда! Смотрите, что покажу!

На кухне нас ждал хаос. Я с ужасом осматривала пространство вокруг, пока Пашка пояснял:

— Мы торт решили испечь! Но смотрите... — он высыпал на Сережу из кружки муку.

Мука задержалась на его очертаниях секунды на две, а потом все же осыпалась на пол.

— Ого! — восхитился и Артем. — Значит, это все-таки материя! Совсем малость плотнее воздуха! Энергия в чистом виде может задерживать муку хотя бы на секунду?

Он выхватил у Пашки кружку и «плеснул» мукой Сереже прямо в лицо.

И вся моя злость от бардака растворилась под натиском смеха. Достаточно было посмотреть на Сережу, чтобы сложиться от хохота. Он стоял посередине, сложив руки на груди, и хмуро исподлобья смотрел вперед, терпя все, что с ним делают.

— Машуль! — орал Артем — теперь такой же истерически счастливый, как и Пашка. — Наливай в ванную воду! Попробуем его погрузить! Ах, сопромат, сопромат — кто бы мог подумать, что ты так нужен в жизни?!

Сережа не выдержал, схватил со стола поварешку и треснул — сначала одного, а потом другого. У тех даже восторга не поубавилось. Я уже рыдала от смеха, когда решила защитить своего сожителя:

— Руки прочь от моей прелести!

Он шагнул вперед, и теперь они потеряли его из вида, пытаясь обнаружить снова с помощью муки:

— Я тебе торт хотел испечь! Сюрприз!

К слову о тортике. Когда мы совместными усилиями привели кухню и себя в порядок и уселись за стол, то последовали Пашкины оправдания:

— Только он без крема. Крем — это уж совсем сложно! Так что не ругайтесь — мы очень старались.

Разрезать корж не получилось, но Пашке удалось наломать его на куски.

— Очень вкусно! — сильно преувеличил Артем, кое-как сумев отгрызть от края немного. — Очень! А сахара не было, да? Серега, ты почему от меня скрывал свои кулинарные способности?

Свой ломоть я просто отложила — зубы все же не казенные. А потом просто с улыбкой смотрела на смеющуюся материю, неизвестную науке. И даже не отвела взгляд, когда он это заметил. Как же мне повезло, что я подняла тот чертов телефон.

==> Глава 13. Я и мой воображаемый парень

И снова выходное дежавю: уже предсказуемый хохот в зале спозаранку. Нет, этот постоянный двор пора разгонять! Но Артем, едва увидев мою заспанную морду, сразу направился ко мне — я уже даже перестала стесняться показываться перед ним в таком виде.

— Нам надо поговорить. Наедине! — подчеркнул он специально для озадаченного кресла.

В комнате он недолго мялся, пока я накидывала покрывало на разобранную постель.

— Маша, — начал неуверенно — и уже это ничего хорошего не предвещало. — Сегодня Серега был у меня дома. Понимаешь?

Я не понимала и потому молча ждала продолжения:

— Его радиус уже настолько большой. Понимаешь?

Наверное, у меня с IQ какие-то серьезные проблемы. Артем наконец-то пожалел мой разум:

— Это значит, что он уже спокойно может жить у меня. И он мне не мешает!

Я охнула от негодования. Это что ж такое получается? Он хочет забрать у меня моего полтергейста?! Кем он себя возомнил вообще?

— Нет!

— Мащ, — он говорил тихо, будто пытаюсь успокоить меня. — Серега мне давно сказал, что чувствует к тебе... что между вами происходит. Конечно, я многого не понимаю... Эта ситуация — да ее вообще хоть кто-нибудь понимает? Но одно точно — ты просто загубишь себя. Чем дольше вы будете вместе, тем больше будет потом.

Когда «потом»? Когда Сережа все-таки уйдет? Или когда мама начнет интересоваться, а не появился ли у меня жених? Или когда мы сами уже не сможем продолжать то, что не имеет продолжения? Я не знала ответа, но повторила уверенно:

— Нет.

Он коснулся моего плеча, наклонился, чтобы смотреть в глаза:

— Маша... подумай...

Я все понимала лучше него. Как и то, что ему больше нечего сказать. Значит, придется говорить мне:

— Знаешь, Артем, я этот выбор сделала, когда подняла его телефон — не знаю, зачем я тогда так поступила, но сейчас знаю точно, что поступила бы так снова — уже осознанно. Потому что...

Это предложение невозможно закончить. Какими словами выразить? Потому что благодаря этому я стала другой. Потому что маленькая девочка Вика так и бежит со школы, размахивая рюкзаком. Потому что мне интереснее с Сережей выслеживать воришек, чем общаться со всеми остальными людьми, вместе взятыми. Потому что существование должно иметь смысл — и весь мой смысл связан с ним. Потому что никто из живых не способен стать для меня настолько особенным. Все слова — пустые. Мысль, облеченная в буквы, теряет глубину. Ведь это так поверхностно звучит — потому что я умудрилась влюбиться в парня, который умер полгода назад.

Новый год мы проводили вдвоем. Как в старом анекдоте: родителям я сказала, что иду

гулять с друзьями, друзьям — что отмечаю с родителями, а сама заперлась в квартире и распечатала шампанское. И выпила-то совсем немного, в честь праздника, но в присутствии Сережи душа и без того уносилась в рай. Мы и на площадь сходили, повеселились в шумной толпе, и домой шли долго-долго по морозу, даже фейерверки запустили, на что ровнехонько с пятого этажа получили крик нашей общей знакомой: «Обалдели совсем, паршивцы! Дом подорвете, засранцы! А ну-ка брысь отседова, нечестивцы!». Она вообще могла похвастаться исключительно богатым лексиконом в плане обращения к людям.

Это был еще тот период, когда мы оба старались не задумываться о будущем, а просто... были вместе. Поэтому все получалось легко и правильно. Ну вот Сережа и подловил меня на моменте максимальной душевной расслабленности.

Я вздрогнула, когда моя рука юркнула под одеяло.

— Сереж! — попыталась строго одернуть я. — Перестань.

Он шептал — а от его шепота у меня всегда сознание мутилось:

— Маш, Маша... Ну прекрати уже. Со мной у тебя все будет странным, так разреши мне еще одну странность.

— Нет, Сереж! — я настолько устала, что даже глаза открывать не хотелось. — Я так не хочу. Дай мне поспать уже.

— Спи-и-и-и, — тем же шепотом прошелестел он мне в ухо, после чего полностью погрузился в меня. К этому ощущению я привыкла уже в достаточной мере, что даже не думала сопротивляться.

Но попыталась хотя бы вздрогнуть, когда он снова завладел моей рукой. Через минуту сопротивляться расхотелось — даже стыд куда-то делся. Он моими же пальцами нырнул под белье и моментально нашел какую-то точку, заставившую меня задохнуться. Я даже не знаю, кто из нас выгибал тело, кто стонал. Наверное, оба, раз он ощущал то же самое, что и я. Наши мысли перепутались вместе с голосами. Оставь меня в покое. Это слишком для меня. Я хочу тебя поцеловать. Нет, не сопротивляйся мне, Маш. Как же хорошо. Оставь меня. Никогда меня не оставляй.

Вряд ли кто-то всерьез задумывался, чем женский оргазм отличается от мужского. А я вот знаю! Мне Сережа утром рассказал, даже не обращая внимания, что я совершенно не желаю это обсуждать. Чай приходилось пить краснея, как рак. А он только смеялся — ну, конечно! Стопроцентный гедонист же — сам говорил. А тут такая феерия без привлечения посторонних лиц. Чувствую, теперь он донимать меня будет постоянно. Если не анализировать слишком глубоко, то не произошло ничего такого, что перевесило бы по степени странности вообще наши отношения, поэтому, чувствую, я буду соглашаться.

Я не знаю точно, когда все начало разваливаться. Артем был когда-то прав — чем дольше мы были вместе, тем меньше я хотела слышать о том, что у меня должна быть и своя жизнь. Про парня даже и думать не собиралась. Наши с Сережей ссоры часто разгорались на почве его чувства вины. Он убеждал меня, что спокойно воспримет, если я начну с кем-то встречаться... И от моего смеха его коробило еще сильнее. Дело было не в его ревности, а в том, что мне просто больше никто не был нужен! Бывало и такое, что он уходил к Артему, но я просто ехала за ним и говорила, что останусь там, если он не вернется домой. Да он сам едва держался, чтобы не вернуться, поэтому мне никогда не составляло труда его уговорить. Нам друг без друга было намного хуже, чем любое «вместе».

— И что? Всю жизнь с призраком проведешь? Подождем, пока легализуют такие браки? — кричал он.

— Сереж! — я не хотела скандалить. — Перестань. Ты уже не призрак даже. А... человек-невидимка!

— Ага. Иди и родителям своим это скажи.

Меня лично все устраивало. Не могу сказать, что все было просто, но я отгоняла ненужные мысли — пусть будет так, пусть все вокруг меня считают сумасшедшей, но без него — не хочу. Все разваливалось только потому, что он не мог простить самого себя. Лучше бы оставался эгоистом, каким всегда был! Чем сильнее он любил меня, тем сложнее становилось с ним договариваться. И я начала подсознательно ждать, когда он наконец-то скажет: «Я уйду, Маш. Забудь обо мне... как-нибудь».

Знала, что такой день наступит, но когда это произошло, оказалось, не была готова. Я кричала в стену, звала, но понимала, что это конец. Сережа найдет свою дверь или будет существовать дальше, но он никогда не вернется. Ради меня — как он сам решил за нас обоих.

Это был первый вечер, который я едва пережила, а дальше — все хуже. Я каждый день думала, что хуже быть не может — и каждый день ошибалась. Пашка разнылся и обвинил во всем меня. Артем подолгу сидел рядом и молчал. А за окном разгоралась весна — самая бесконечная весна в моей жизни. Я все чаще заглядывала к Зинаиде Ивановне — почему-то там сердце ненадолго успокаивалось. А в остальном... мне иногда казалось, что даже умирать не так больно, как жить. Кажется, мне нужна собака. Или морская свинка. Нет, никто мне не нужен. Лечит ли время? Лечить можно болезни, а Сережа не был болезнью. Он был самым правильным, что со мной случилось.

— Девушка, можно с вами познакомиться? — какой-то парень на улице. Неважно, я уже почти дома для очередного страшного вечера перед очередной страшной ночью. Просто мотнула головой и пошла дальше, услышав: — А вот и зря!

Что-то в его интонации заставило замереть на месте и обернуться. Старше. Лет двадцать пять. Светлые волосы. Приятный и с обаятельной улыбкой, но до обложки Космо далеко. Я быстро подбежала, парень изобразил удивление:

— Передумали?

Сердце остановилось. Слова приходилось выдавливать с усилием:

— Я тебя... Как? Сережа, да как ты мог так со мной поступить?!

Парень улыбнулся шире:

— Меня Слава зовут.

Да наплевать мне, как там его зовут! Просто обхватила его, вжимаясь всем телом, совсем не реветь не получалось — я старалась хотя бы не всхлипывать:

— Сволочь! Сволочь ты, понял? Я не хочу без тебя! Ничего не хочу! Где ты был столько времени? Три месяца! Три гребаных месяца...

— Девушка, вы что себе позволяете? — возмутился парень. — Какое право вы имеете меня насильно теребонькать?! А от вашей нецензурной лексики у меня...

— Заткнись уже. Нет, говори! Отвечай уже — где был?! — бурчала я в его рубашку.

— Ну во-от, — протянул он обиженно и наконец-то обнял меня. — Маш, такой сюрприз испортила — ни стыда, ни совести! Ну почему ты меня всегда узнаешь? В больнице был, где ж еще?

Я оторвалась от его груди, чтобы посмотреть в глаза — чужие глаза с таким знакомым огоньком.

— В... больнице?

— Ага. Давай знакомиться! Вячеслав Суворов! Коматозник, — он расхохотался от непонимания на моем лице. — Смерть мозга. Прикинь, какие рожи были у врачей, когда я с таким диагнозом вдруг глаза открыл?

Я не могла поверить. И говорить не могла. И думать. Поэтому просто тащила его домой, пытаюсь слушать объяснения:

— Меня в Москву хотели перевозить на обследование! Но отец такой ор поднял — аж стены трещали! Забрал меня. А амнезию и странности в поведении на черепно-мозговую списали. А отец...

— Какой еще отец? — наконец-то и у меня мыслительный процесс начал просыпаться.

— Замечательный, кстати, отец, Маш! Вот же ирония — у меня при жизни отца не было, а теперь есть.

В прихожей я гладила его лицо, плечи, хоть и пыталась выглядеть здравомыслящей:

— Разве это честно? Ты взял чье-то тело... навсегда?

Он закусил губу — совсем Сережино выражение лица:

— А что честно? Пусть бы отец сейчас рыдал на его могиле вместо того, чтобы быть счастливым, что его сын после такой аварии оклемался, пусть и не помнит ни черта?

Я мотала головой — он прав. И главное — вернулся. Правда, теперь мне придется привыкать — нет, не к новому его виду — мне все равно, как он выглядит, а к тому, что у него вообще теперь есть вид, который я могу потрогать! Я глупо смеялась и тут же плакала.

— Сереж, как же я рада...

— Слава меня зовут, глупая ты женщина! — он тоже смеялся.

— Будешь моим парнем, Слава? — поинтересовалась я с максимальной иронией, на которую в тот момент была способна.

— Подумаю еще!

Он как-то не особо долго над этим думал, потащив меня в комнату, а я даже слабо упиралась:

— Сереж... Вот ты реально озабоченный! Подожди же, успеем еще. Дай мне наглядеться на тебя, нацеловаться. Как же я давно хотела нацеловаться...

— Слава, — снова поправил он. Ничего, со временем привыкну — как и ко всему остальному. Сам он, несмотря на мои возражения, стянул уже с меня футболку и приступил к джинсам, бормоча: — Тело это отличное — его в тренажерку поводить, и вообще ахнешь! Вот только я его способности не во всех областях еще проверил, — я поняла, какую область он собрался проверять и позволила себя уложить на постель. Красивые глаза — карие. Мне нравятся. К голосу придется привыкать чуть дольше: — Маш, мне столько нужно тебе рассказать! Представляешь, он врачом был — только институт закончил! — Сережа целовал мою грудь, но и заставлял себя продолжать объяснять. — А теперь... Но я с отцом уже начал пробивать тему, что мне б в железнодорожный поступить... на заочку. Он не понимает, с чего вдруг, но уже почти согласен. Моя полная амнезия очень кстати оказалась во многих вопросах.

Я рассмеялась — наш бедный институт ждет очередной взрыв в виде нового Сергея Севостьянова! Кажется, мир сам понял, что допустил ошибку и всеми силами ее исправляет! И как после этого не поверить во вселенское равновесие? Потянулась к пуговицам на его рубашке — ну не одной же мне тут мерзнуть?

Он задышал быстрее, когда я прошла рукой по его груди — да, непривычно даже визуально, совсем худой. Кроме тренажерки, его еще и откармливать придется. Поцеловала в

шею, а он сжал руками мои бедра. Кажется, дальнейший разговор придется оставить на завтра. Или на послезавтра. Он едва сдерживался, а я даже не могла понять, почему он сдерживается. Наверное, соскучился не только по ощущениям собственного тела, но и мое хотел исследовать извне. Для него это тоже было непривычно. У меня уже кожа горела от прикосновений его рук и языка, а внутри почти болезненно ныло, но я не торопила. Пусть делает все что хочет и как хочет. Мальчик, вывалившийся из окна, чтобы ввалиться в мою жизнь — он заслужил. Наверное, мы знали друг друга уже слишком хорошо, поэтому наш первый секс получился впечатляющим, к тому же этап стеснения я уже давно пережила. Поэтому и себя отпустила на волю — глядя и исследуя везде. Хотела проявить инициативу — да не успела. Он сам вдруг резко подтянул мои бедра к себе и вошел. Я уже даже не целовала — кусала его губы. Он замер, а потом, подстроившись, начал наращивать темп. Кажется, оргазм настиг нас одновременно — но в этом ничего удивительного не было. Мы к этому заранее привыкли.

Он не позволил мне уйти в душ или одеться, да я и сама не особо хотела отрываться от него. Мы так наскучались, что, наверное, несколько дней не сможем друг от друга отлипнуть.

— Ты можешь выходить из этого тела?

— Могу. Но не хочу. И вряд ли когда-то захочу — так что влюбляйся в него, у тебя выбора нет.

— Выполнено. А что с тобой будет, когда это тело состарится и умрет?

— Ты, главное, рядом будь — вместе решим, что делать дальше.

— Да без проблем. Надо только глянуть в ежедневнике, что там у меня запланировано на... лет через пятьдесят.

— Артему позвонить надо. Завтра.

— Нет, дорогой. Сначала мы идем к Зинаиде Ивановне! Хочу познакомить ее с моим парнем. Уверена, что он ей понравится.

— И на кладбище! Скоро моя годовщина!

— Достал ты меня с этим кладбищем...

— Веночек купим! За две штуки.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net